

ТАМБОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяць
1 и 15 чисель.

№ 7.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ:
безъ приложеній 5 р., съ приложеніями 6 руб.

1-го апрѣля

ГОДЪ XIX.

1879 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Указы Св. Правительствующаго Синода.

Отъ 20 го февраля 1879 года. *О дозволеніи Тамбовской духовной семинаріи праздновать юбилейное торжество въ память столѣтняго существованія семинаріи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенное господиномъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 4 января сего года, отношеніе Вашего Преосвященства, за № 1462, о разрѣшеніи Тамбовской духовной семинаріи праздновать 22 сентября 1879 г. столѣтній юбилей своего существованія. За конь: въ Высочайше утвержденномъ 6 февраля 1876 года положеніи комитета Министровъ о празднованіи юбилеевъ изложено: п. 1, празднованія юбилеевъ, какъ лицъ состоящихъ въ государственной службѣ, или занимающихъ должности съ утвержденія правительственныхъ учрежденій, а рав-

но благотворительныхъ заведеній и всякаго рода обществъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ или непосредственномъ подчиненіи правительственныхъ учрежденій и лицъ не должны быть допускаемы безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго начальства. **П р и к а з а л и :** На основаніи приведеннаго выше закона представленіе Вашего Преосвященства о дозволѣніи подвѣдомственной вамъ духовной семинаріи совершить 22 сентября сего года, по случаю имѣющаго исполниться въ этотъ день столѣтія ея существованія, юбилейное торжество, по программѣ, въ этомъ представленіи изложенной, утвердить, съ тѣмъ, чтобы торжество это имѣло исключительно характеръ духовно-образовательный. Для объявленія объ этомъ правленію Тамбовской духовной семинаріи, послать Вашему Преосвященству указъ.

Отъ 17-го января—12-го февраля 1879 г. № 75. *Объ учрежденіи мужскаго общежительнаго монастыря близъ города Красноярска, енисейской губерніи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 28-го декабря 1878 года № 5251, въ коемъ изъяснено, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 8-го ноября 1878 года, В ы с о ч а и ш е соизволилъ на устройство мужскаго общежительнаго монастыря близъ города Красноярска, енисейской епархіи, съ благотворительными при ономъ заведеніями. И, по справкѣ, **п р и к а з а л и :** Объ изъясненномъ В ы с о ч а и ш е м ъ соизволеніи объявить преосвященному епископу Антонію указомъ, для зависящихъ къ исполненію распоряженій; а для припечатанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» сообщить по принятому порядку.

Отъ 10—30-го января 1879 года, за № 33. Объ изданномъ священникомъ Михайловскимъ первомъ выпускъ картинъ изъ священной и церковной исторіи, подъ заглавіемъ: „Главнѣйшіе праздники православной церкви“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета, съ отзывомъ объ изданномъ законоучителемъ 4-й с.-петербургской прогимназіи священникомъ Василиемъ Михайловскимъ первомъ выпускъ картинъ изъ священной и церковной исторіи, нераскрашенныхъ и хромолитографированныхъ, съ текстомъ и примѣрными уроками, подъ заглавіемъ: «Главнѣйшіе праздники православной церкви» (Цѣна нераскрашенныхъ картинъ съ приложеніемъ 1 руб. 75 коп., а хромолитографированныхъ картинъ съ приложеніемъ 3 рубля). Учебный при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетъ, принявъ во вниманіе техническія достоинства рисунка въ означенныхъ картинахъ и соотвѣтствіе рисунка какъ съ исторією, такъ и съ духомъ и преданіями православной церкви, а равно дешевизну этого изданія и педагогическую практичность приложенныхъ къ нему примѣрныхъ уроковъ, полагаетъ вышеупомянутое изданіе священника Михайловскаго одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для школъ духовнаго вѣдомства, а также для народныхъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Приказали: Изложенное заключеніе Учебнаго Комитета утвердить, о чемъ и объявить правленіямъ духовныхъ училищъ, сообщивъ для сего въ редакцію «Церковнаго Вѣстника», для напечатанія въ официальной части онаго, выписку, съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Утверждены въ должностяхъ.

Протоіерей г. Моршанска Соборной церкви *Лука Воскресенскій*—*благочиннымъ* въ 1 Морш. округѣ.

Священникъ Кладбищенской церкви г. Моршанска *Іоаннъ Архангельскій*—*помощникомъ благочиннаго и членомъ благочинническаго совѣта* въ 1 Мор. округѣ.

Священникъ Соборной церкви г. Моршанска *Серій Коптевскій*—*членомъ благочинническаго совѣта* въ 1 Моршан. округѣ.

Уволенъ въ запштагъ.

Сверхштатный діаконъ села Бибикова, Козловскаго уѣзда, *Трофимъ Бибиковъ*, согласно его желанію.

Опредѣленъ на мѣсто.

Учитель Сокольскаго сельскаго училища, Липецкаго уѣзда, — окончившій курсъ семинаріи *Николай Талинскій* во священника къ Николаевской церкви бывшаго г. Романова, того же уѣзда.

Перемѣщены съ одного мѣста на другое.

Сверхштатный причетникъ села Чурюкова, Козловскаго уѣзда, *Теодоръ Поповъ* къ церкви села Лаврова, Тамбовскаго уѣзда.

Діаконъ села Громушки, Козловскаго уѣзда, *Василій Тихомировъ* къ Тюремной церкви г. Козлова.

Уволенъ отъ должности.

Исправляющій должность псаломщика Тюремной церкви г. Козлова *Иоаннъ Кирсановскій*.

Награждены набедринникомъ.

Священникъ села Чекмарей, Тамб. уѣзда, *Порфирій Голубевъ* за ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей при весьма хорошемъ поведеніи.

Священники сель Козловскаго уѣзда, Малыхъ Пупокъ *Иоаннъ Миловидовъ*, Машковой Сурены *Николай Шаровъ*, Острожка *Николай Платоновъ*, Александровки *Димитрій Вьтринскій* и Бибикова *Иоаннъ Марковъ*, за ревностное пастырское служеніе и усердное проповѣданіе слова Божія при весьма хорошемъ поведеніи.

Священникъ села Пріозернаго, Усманскаго уѣзда, *Тимовой Веселовскій* за ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей.

Священники Борисоглѣбскаго уѣзда, сель: Алешковъ *Владиміръ Сладкопѣвцевъ*, Братковъ *Алексій Грибановскій* и Бурнака *Алексій Воскресенскій* за ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей и проповѣданіе слова Божія.

Свящ. села Грачевки, Тамбовскаго уѣзда, *Теодоръ Соколовъ* за весьма хорошее поведеніе и ревностное служеніе церкви Божіей.

Священникъ села Нестерова, Елатомскаго уѣзда, *Иоаннъ Сохранскій* за полезную пастырскую дѣятельность и неутомимую заботливость по украшенію приходскаго храма.

Священникъ села Громушки, Козловскаго уѣзда, *Константинъ Красивскій* за отличное поведеніе и полезную службу церкви Божіей.

Открыты церковно-приходскія попечительства.

При церкви села *Чертова*, Шацкого уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣщанина г. Шацка, проживающаго въ селѣ Чертовѣ, *Димитрія Попова* съ 3 членами.

При церкви села *Давыдова*, Моршанскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ крестьянина собственника *Романа Пескова* съ 3 членами.

Закрѣплены мѣста.

При Рождество-Богородицкой церкви бывшаго г. *Добраго*, Лебединскаго уѣзда, за перемѣщеніемъ лишеннаго діаконскаго сана, причетника *Иоанна Любомудрова* къ церкви села *Крутичской Байгоры*, Усманскаго уѣзда.

При церкви села *Бибикова*, Козловскаго уѣзда, за увольненіемъ въ заштатъ сверхштатнаго діакона *Трофима Бабикова*.

При Старособорной церкви г. *Борисоглѣбска* за численіемъ сверхштатнаго діакона *Василія Випоградова* въ штатныя.

При церкви села *Чурюкова*, Козловскаго уѣзда, за перемѣщеніемъ сверхштатнаго причетника *Феодора Попова* въ другой приходъ.

При церкви села *Бѣломѣстной Двойни*, Тамбовскаго уѣзда, за численіемъ сверхштатнаго причетника *Андрея Сухина* въ штатныя.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Преподано Архипастырское благословеніе.

Попечителямъ коллежскимъ регистраторамъ *Михаилу Алапесу* и *Ивану Есипову* и вслостному старшинѣ крестьянину *Евгенію Рожнову* за постройку и украшеніе Николаевского въ селѣ Никольскомъ, Завидовѣ тожь, храма.

За смертію исключены изъ формулярнаго списка.

Священникъ Рождество-Богородицкой церкви бывшаго г. Романова, Липецкаго уѣзда, *Димитрій Андреевскій* 65 лѣтъ, окончилъ курсъ семинаріи по 2 разряду, съ 8 сентября 1840 года священникомъ; съ 1843 до 1847 г. учителемъ сельскаго училища, въ 1849 г. и 1855 г. исправлялъ должность благочиннаго; съ 1877 г. законоучителемъ сельскаго училища, вдовъ; имѣлъ награды: набедринникъ, скуфью и камилавку.

Діаконъ села Бѣломѣстной Двойни, Тамбовскаго уѣзда *Григорій Эдемскій* 68 л., изъ средняго отд. семинаріи, съ 15 февраля 1833 года діаконъ; въ семействѣ оставилъ жену 63 л.

Объявленіе.

Ефремъ, Епископъ Тобольскій и Сибирскій вошелъ къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Палладію, отношеніемъ отъ 20 февраля 1879 года за № 592 слѣдующаго содержанія:

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастыр!

Въ настоящее время въ Tobольской епархіи, противъ утвержденнаго 30 апрѣля 1877 г. росписанія приходскихъ церквей и причтовъ при нихъ, состоитъ шестьдесятъ праздныхъ вакансій священнослужителей, т е. настоятелей церквей и ихъ помощниковъ.

Достойныхъ съ богословскимъ образованіемъ кандидатовъ, для занятія означенныхъ праздныхъ мѣстъ, нѣтъ и въ скоромъ времени не предвидится, такъ какъ въ настоящей годъ въ мѣстной семинаріи окончить курсъ ученія только семь воспитанниковъ. Въ виду такого значительнаго числа праздныхъ священнослужительскихъ вакансій, въ виду недостатка кандидатовъ для занятія оныхъ и на основаніи 79 ст. устава духовныхъ консисторій долгъ имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство: а) объявить окончившимъ и имѣющимъ окончить курсъ наукъ въ состоящей подъ Вашимъ вѣдѣніемъ семинаріи, а равно и тѣмъ священникамъ и діаконамъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, которые за введеніемъ новаго росписанія о приходскихъ церквяхъ и причтахъ, остались заштатомъ, не были и не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ поступить на службу въ Tobольскую епархію и занять въ оной, по указанію Епархіальнаго начальства, священническія мѣста съ выдачею имъ прогонныхъ и суточныхъ денегъ по положенію; б) объявить также, чтобы желающіе поступить на службу въ Tobольскую епархію и занять здѣсь, по указанію епархіальнаго начальства, священническія мѣста прислали мнѣ просьбы съ приложеніемъ аттестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи семинарскаго курса, или формулярныхъ списковъ, епархіальнымъ начальствомъ засвидѣствованныхъ.

При этомъ нужнымъ считаю присовокупить, что а)

праздныя священническія мѣста въ настоящее время состоятъ въ слѣдующихъ округахъ: Тобольскомъ 10, Тюкалинскомъ 7, Курганскомъ 10, Ишимскомъ 9, Ялуторовскомъ 12, Тюменскомъ 4, Туринскомъ 5 и Березовскомъ 3, б) всѣмъ настоятелямъ церквей и помощникамъ ихъ производится жалованье отъ 106 до 160 р., а въ Березовскомъ округѣ и въ приходахъ Вагульскихъ его 360 руб. въ годъ, в) при большей части церквей имѣются для жительства священноцерковнослужителей общественные дома, постройка которыхъ, ремонтъ и отопленіе, положеніемъ совѣта главного управленія Западной Сибири признаны обязательными для приходскихъ обществъ, г) при всѣхъ почти церквахъ Тобольской епархіи, исключая церквей Березовскаго округа, есть церковныя земли въ размѣрѣ отъ 99 до 200 десятинъ, д) во всѣхъ приходахъ епархіи по издавна установившемуся обычаю существуетъ сборъ съ прихожанъ хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, достигающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до довольно значительныхъ размѣровъ, и) при всѣхъ церквахъ, при которыхъ нынѣ состоятъ праздныя вакансіи священниковъ, число прихожанъ не мало численно, и большею частію болѣе одной и даже двухъ тысячъ душъ обоего пола“.

На семь отношеній резолюція Его Преосвященства 9 марта 1879 года послѣдовала таковая: „Приглашеніе это объявить духовенству и воспитанникамъ семинаріи чрезъ епархіальныя вѣдомости, напечатать оное въ слѣдующемъ №“.

О содержаніи дворовъ и разнаго рода помѣщеній въ чистотѣ.

Тамбовскій Губернаторъ въ отношеніи своемъ отъ 27 февраля 1879 года за № 699, (по губернскому правленію отдѣленіе врачебное) сообщилъ Тамбовской духовной консисторіи слѣдующее: г. управляющій Министерствомъ Внут-

ренныхъ Дѣлъ по Департаменту Полиціи Исполнительной отношеніемъ, отъ 5 сего февраля сообщилъ, что въ видахъ устраненія условій вредно вліяющихъ на народное здравіе и способствующихъ развитію болѣзней, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ неоднократно указывало на необходимость содержанія въ надлежащей чистотѣ какъ зданій такъ дворовъ, а равно и другихъ разнаго рола помѣщеній.

Полагая, что распоряженія эти по отношенію къ казеннымъ зданіямъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ исполняются, г. Управляющій, тѣмъ не менѣе въ настоящее время, когда является исключительная потребность въ подобныхъ мѣропріятіяхъ, вызываемая обнаружившеюся въ Астраханской губерніи заразительною болѣзью, проситъ меня обратить особенное вниманіе на имѣющіяся въ Тамбовской губерніи казенныя зданія преимущественно же на тюрьмы.

Возможно тщательная очистка во всѣхъ этихъ зданіяхъ нечистотъ, содержаніе въ исправности дворовъ, отхожихъ мѣстъ и мусорныхъ ямъ, которые по временамъ необходимо дезинфицировать, ежедневное провѣтриваніе самыхъ зданій рекомендуются, какъ безусловно необходимыя мѣры; причемъ желательно немедленное ихъ осуществленіе. Принятіе же другихъ необходимыхъ по мѣстнымъ условіямъ мѣръ должно зависѣть отъ ближайшаго моего усмотрѣнія.

Вообще при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы содержаніе казенныхъ зданій было примѣромъ для частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій.

Принимая во вниманіе, что по предмету приведенія въ лучшее санитарное состояніе всѣхъ городовъ и селеній здѣшней губерніи посредствомъ очистки нечистотъ и надлежащей дезинфекціи уже состоялось 25 минувшаго января обязательное постановленіе Тамбовскаго губернскаго комитета общественнаго здравія и таковое для должнаго исполненія

со стороны губернскаго начальства сообщено во всѣ присутственныя мѣста, городскія и земскія равно, какъ и желѣзно-дорожныя управления и всѣмъ вообще начальствующимъ лицамъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависятъ ближайшее распоряженіе въ точномъ исполненіи означеннаго постановленія, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ вышеизложенное распоряженіе г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать извѣстнымъ всѣмъ равнымъ мѣстамъ, начальствующимъ лицамъ, общественнымъ учебнымъ учрежденіямъ, Полиціймейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ для точнаго съ ихъ стороны исполненія.

По сему отношенію опредѣленіе консисторіи состоялось слѣдующее: препроводить для напечатанія въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ для исполненія со стороны духовенства.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

25 февраля — недѣля 2 вел. Поста. Его Преосвященство совершилъ Божеств. литургію и, по окончаніи ея и прочтеніи Высочайшаго Манифеста о смерти Благовѣрнаго Государя, Великаго князя ВЯЧЕСЛАВА КОНСТАНТИНОВИЧА, вселенскую панихиду о упокоеніи новопреставленнаго въ Предтеченской церкви Казанскаго монастыря. Сослужащими были протоіерей — Каѳедральный В. М. Щегловъ, Г. В. Хитровъ, ключарь П. В. Аквилоновъ, игумень Тихонъ и іеромонахи — казначей Герасимъ и Евстаѳій. На панихидѣ присутствовали — все духовенство, военные и гражданскіе чины города.

26 февраля — день рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго князя АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Его Преосвященство совершилъ Божеств. литургію и, по окончаніи ея, благодарственное Господу Богу молебствіе въ той же

церкви и при тѣхъ же сослужащихъ. На молебствіи присутствовали—все духовенство, военные и гражданскіе чины города. За литургіей слово произнесъ законоучитель гражд. гимназіи протоіерей І. Гавр. Переверзевъ.

4 марта, 3 недѣля вел. Поста—Крестопоклонная. Его Преосвященство совершилъ Божеств. литургію въ той же Предтеченской церкви. Сослужащими были протоіерей—Каедральный В. М. Щегловъ, ключарь П. В. Аквилоновъ, игуменъ Тихонъ, и іеромонахи—Кипріанъ, Феодосій. За литургіей рукоположенъ во диакона, окончившій курсъ Семинаріи въ 1874 году, псаломщикъ села Крутинской Байгоры Уманскаго уѣзда Василій Львовъ, опредѣленный во священника въ село Бобѣево Темниковскаго уѣзда.

11 Марта—4 недѣля вел. Поста и годичный день собранія Тамбовскаго комитета миссіонерскаго общества. Его Преосвященство совершилъ Божеств. литургію и молебствіе Христу Спасителю съ особыми прошеніями на сугубой ектиніи о преуспѣяніи въ Русской церкви миссіонерскаго дѣла—въ Предтеченской церкви Казанскаго монастыря. Сослужащими были протоіерей—Каедральный В. М. Щегловъ, Г. В. Хитровъ и ключарь П. В. Аквилоновъ, игуменъ Тихонъ, казначей іеромонахъ Герасимъ и священникъ законоучитель епарх. жен. училища Николай Мих. Лебедевъ. За литургіей священникъ Н. М. Лебедевъ, за отличное служеніе церкви Божіей и ревностное проповѣданіе Слова Божія, Его Преосвященствомъ награжденъ набадренникомъ, а диаконъ Василій Львовъ рукоположенъ во священника. По окончаніи литургіи въ домъ Его Преосвященства было открыто засѣданіе миссіонерскаго епархіальнаго комитета, отчетъ о дѣйствіяхъ котораго будетъ помѣщенъ въ епархіал. вѣдомостяхъ.

Отъ правленія Шацкаго духовнаго училища.

1. Пресвященнымъ Теофаномъ въ Шацкую училищную бібліотеку въ февралѣ настоящаго 1879 года пожертвованы слѣдующія книги: Толкованія его на 1 посланіе къ Коринѳянамъ (1 экз.), на 2 посланіе къ Коринѳянамъ (2 экз.), на 1 и 2 посланія къ Солунянамъ (2 экз.), на посланіе къ Филиппійцамъ (2 экз.), «Слова къ Тамбовской паствѣ» (1 экз.), «слова къ Владимірской паствѣ» (2 экз.), «письма о христіанской жизни», 4 выпуска (1 экз.), «путь ко спасенію, прибавленіе къ письмамъ о христіанской жизни» (2 экз.), «псаломъ стоосмнадцатый» (1 экз.), — «слова о покаяніи, причащеніи Святыхъ Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни» (2 экз.), «какъ составить проповѣдь» (2 экз.), «что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться», письма (2 экз.), «добротолюбіе» отъ 1 (2 экз.), «псалтирь или богомысленное размышленіе Святаго Отца нашего Ефрема Сиріянина» (1 экз.), «востани спяй», собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человѣка отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ (изд. св. горы Аѳонской 2 экз.). 2) почетнымъ блюстителемъ Шацкаго духовнаго училища, настоятелемъ Вышенской пустыни Архимандритомъ Аркадіемъ пожертвована въ пользу училища икона Божіей Матери, написанная на доскѣ длиною въ 1 арш., въ рамѣ за стекломъ.

Отъ Тамбовскаго Церковно-Историческаго комитета.

Указомъ Св. Синода отъ 20 февраля сего года за № 529 Тамбовской духовной семинаріи разрѣшено совершить 22 числа сентября сего (1879) года по случаю имѣющаго исполниться въ этотъ день столѣтія ея существованія *юбилейное торжество*.

Въ виду сего Церковно-Историческій комитетъ, состоящій при Тамбовской духовной семинаріи, покорнѣйше проситъ всѣхъ, получившихъ образованіе въ Тамбовской Семинаріи, а равно и служившихъ въ оной оказать свое посильное содѣйствіе комитету сообщеніемъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Тамбовской духовной Семинаріи.

Статьи, письма и посылки по сообщенію свѣдѣній о Тамбовской семинаріи покорнѣйше просятъ, адресовать на имя предсѣдателя комитета.

Отъ Семинарскаго Правленія.

I.

Въ Педагогическ. собраніи членовъ Семинар. правленія, 6-го марта большинствомъ шаровъ избранъ, на основаніи § Сем. уст. на должность врача *Алексій Петров. Вановскій*, состоящій врачомъ при 1 и 2 Тамбов. духовн. училищахъ.

II.

Пожертвованія въ пользу ученической библіотеки: въ февралѣ поступили:

Отъ благочинныхъ: 1-го Тамб. округа, свящ. I. Боголѣпова 4 р. 60 к., 2-го Елатом. Алек. Алгебраистова 4 р., Дим. Богоявленскаго 6 р., 2-го Шацкаго Ник. Стефановскаго 6 р., 4-го Козлов. Авр. Богоявленскаго 5 р. 78 к., 4-го Гр. Княжинскаго 4 р. 50 к.. 7-го марта *отъ N N* въ пользу ученич. библіотеки получено 5 р., итого 35 р.

III.

Въ февралѣ *въ вспомогател. ссуду* пожертвовано: духовенствомъ 1-го Тамб. округа чрезъ о. благочиннаго священника I. А. Боголѣпова 3 р. 30 к.

Отъ Правленія 1-го Тамбовскаго училища.

При 1-мъ Тамбовскомъ духовн. училищѣ состоитъ вакантною должность надзирателя съ жалованьемъ въ 200 рублей въ годъ при казенной квартирѣ со столомъ.

Отъ Совѣта Казанско-Вогородицкаго Братства.

Въ февралѣ въ пользу Братства поступили пожертвованія:

Отъ благочинныхъ: 3-го Тамб. округа священ. І. Старокадомскаго 3 р. 15 к., 4-го Тамб. округа свящ. І. Новосельскаго 15 р. 50 к., 3-го Кирсанов. округа свящ. В. Михайлова 3 р. 70 к., 2-го Темник округа, свящ. І. Владимірова 10 р., 1-го Кирсанов. округа свящ. Сем. Быстрова 9 р. 20 к., 5-го Моршан. округа, свящ. С. Голубева 4 р., 1-го Спасск. окр. прот. І. Романовскаго 17 р., 3-го Лебед. окр. свящ. А. Болховитянова 4 р.; отъ священниковъ: Дим. Соколова 2 р. 40 к., Сем. Чижова (с. Мамонтова) 1 р. 70 к., І. Спасскаго (с. Александровки) 5 р.

Членскіе взносы: отъ протоіерея г. Ораніембаума (С.-П. еп.) Придворн. собора, Гавр. М. Любимова 3 р., свящ. с. Пересыпкина Дим. Соколова 3 р, с. Калиновца, Шацк. у., Мих. Суренскаго 3 р., с. Мамонтова (Морш. у.) Сем. Чижова 3 р. Черезъ о. Василія Реморова доставлено 17 руб., собранныхъ въ с. Кирилловѣ (Спасск. у.) усердіемъ Ѳед. Ил. Скрипкина и др. лицъ. Итого 104 р. 65 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Обращается вниманіе духовенства на издаваемую въ г. Казани книгу подъ заглавіемъ

„СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ“.

Кромѣ всѣхъ главныхъ постановленій, касающихся духовенства, его правъ, обезпеченія, пенсій и проч., она содержитъ въ себѣ необходимыя свѣдѣнія по леченію болѣзней домашними средствами, по сельскому хозяйству, огородничеству, цвѣтоводству и садоводству, по опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ и много другихъ свѣдѣній, полезныхъ для сельскихъ жителей.

Лица духовнаго званія могутъ обращаться за высылкой означенной книги прямо въ Казанскую Духовную Академію на имя эконома Матвѣя Николаевича Таліева, которому порученъ приемъ требованій отъ духовенства.

Цѣна сборнику одинъ рубль съ приложеніемъ 20 к. на пересылку марками или деньги.

Примѣч. Въ сборникѣ помѣщена особая статья о мѣрахъ предупрежденія и излеченія чумы.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія правительственныя. — Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Епархіальная хроника. Отъ правленія Шацкого духовнаго училища. — Отъ Тамбовскаго церковно историческаго Комитета. — Отъ Семинар. Правленія. — Отъ Правленія 1-го Тамб. училища. — Отъ Совѣта Казанско-Богородицкаго Братства — Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Димитрій.

Печатать позволяется. Тамбовъ, 20-го марта 1879 года.

Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Сладкопѣвцевъ.

Губернская Земская Типографія, на большой Астраханской улицѣ, д. Земства.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1-го апрѣля

№ 7.

1879 года.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(1830—1840 г.).

Просматривая Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости, въ декабрьской книжкѣ прошлаго 1878 года я, между прочимъ, вычиталь, что по случаю имѣющагося исполниться 22 сентября 1879 года столѣтія Тамбовской семинаріи (съ 22 сентября 1779 года), для ея исторіи нужны матеріалы.—И такъ какъ семинарскій архивъ—мертвый матеріалъ для исторіи семинаріи—далеко не полонъ, то редакція вѣдомостей дѣлаетъ возваніе ко всѣмъ, кто учился въ здѣшной семинаріи, подѣлиться о прошломъ—быломъ этого заведенія своими свѣдѣніями, не стѣняясь ни формою изложенія, ни представляющею повидимому мелочностію содержанія самыхъ воспоминаній.

Услышавши такой близкій сердцу возгласъ, общій для всѣхъ насъ, учившихся въ семинаріи (*almae matris*), я, какъ покорный ея сынъ долгомъ поставилъ себѣ откликнуться на него, коротко и безъ всякихъ прикрасъ сообщить: 1) нѣчто изъ переданнаго мнѣ отцомъ о Преосвященномъ Теофилѣ, счастливо повліявшемъ на судьбу моего родителя; и 2) мои личныя воспоминанія изъ давно минувшей а) училищной и б) семинарской жизни (1830—1840 г.). При этомъ я намѣренъ обратить вниманіе не столько на учебныя обыкновенныя занятія и обязанности, сколько на отношеніе воспи-

танчиковъ къ начальникамъ и преподавателямъ; равно и на различныя развлеченія учениковъ, дозволенныя и недозволенныя начальствомъ.

I.

Отецъ мой, Никита Максимовичъ Протопоповъ, родился въ 1780 году въ бывшемъ городѣ Романовѣ Липецкаго уѣзда отъ священника Максима Никитича Протопопова.— Ученіе съ низшихъ классовъ до богословскаго проходилъ въ Воронежской семинаріи, потому ли, что разстояніе отъ Романова до Воронежа считалось вдвое ближе, чѣмъ до Тамбова, или потому, что г. Липецкъ въ тогдашнее время принадлежалъ къ Воронежскому округу, хорошо не припомню. Дѣдъ мой, хотя былъ священникомъ, но слишкомъ бѣднымъ; онъ крайне обременялся содержаніемъ отца моего и дяди (Кондрата, впоследствии священника села Романова) въ Воронежѣ и съ возрастомъ ихъ долженъ былъ отказаться удовлетворять даже настоятельнымъ ихъ нуждамъ.— Въ безвыходномъ положеніи отецъ мой и дядя, славившіеся ростомъ (2 арш. 12 верш.) силою и ловкостію, должны были согласиться на предложеніе нѣкоторыхъ Воронежскихъ купцовъ, завзятыхъ охотниковъ до кулачныхъ боевъ, участвовать по ихъ желанію въ этихъ гладиаторскихъ играхъ и зрѣлищахъ тогдашняго времени.— За это купцы содержали ихъ на собственномъ издвигеніи, доставляя имъ одежду, обувь, пищу, книги и квартиру, не рѣдко помогали въ нуждахъ даже и отцу ихъ. Это средство воспитанія и жизни для молодыхъ людей совсѣмъ не благородное и неприличное; но при бѣдности оно оправдывалось духомъ и обычаемъ времени.— Гладиаторская жизнь моего отца не нравилась дѣду; не имѣя своихъ средствъ, онъ хотѣлъ было, чтобы отецъ мой, не окончивая полного курса наукъ, поступилъ на мѣсто священника, которое имѣлось въ виду, въ селѣ Сырскомъ, вблизи Романова. Въ то время это было весьма легко; но Богу угодно

было, совершить совсѣмъ иное. Къ разрушенію этихъ замысловъ дѣда явился посторонній толчекъ.

Во время каникулъ отцу представился случай занять кондицію въ сельѣ Борисовкѣ у Липецкаго помѣщика Данилова. Тамбовскій Преосвященный Теофилъ, объѣзжая епархію, никогда не миновалъ, чтобы не заѣхать къ Данилову, какъ хорошо знакомому ему старцу. Даниловъ, воспользовавшись такимъ случаемъ, представилъ отца моего Теофила и высказалъ ему о намѣреніи отца оставить ученіе.—Теофилъ, какъ любитель наукъ, выразилъ свое неудовольствіе на то, какая готовится чрезъ это гибель отцу и сожалѣніе о замыслѣ дѣда моего—лишить предстоящаго сыну счастья въ будущемъ; обратился въ тоже время къ Данилову съ просьбою помочь моему отцу въ содержаніи, на что получилъ отъ Данилова полнѣйшее согласіе. На другой день Теофилъ вызвалъ къ себѣ моего дѣда и приказалъ ему, чтобы онъ, для продолженія наукъ, по окончаніи каникулъ, непременно представилъ своего сына въ Тамбовъ лично къ нему—Преосвященному, завѣривъ его, что, для поддержанія его средствъ во время ученія, г. Даниловъ не отказывался дѣлать отъ себя сыну его помощь.

По окончаніи каникулъ, дѣдъ мой первымъ долгомъ счелъ представить отца моего Преосв. Теофилу, на лицѣ котораго сейчасъ же, какъ дѣдъ, такъ и отецъ мой замѣтили удовольствіе, выражавшее радость объ обрѣтеніи пропадавшей овцы. Преосвященный не могъ даже скрыть своей радости и тутъ же высказалъ дѣду: „спасибо старикъ, что послушался меня, — „привезъ ко мнѣ сына; я уже, какъ пріѣхалъ изъ епархіи записалъ его въ число студентовъ и если сынъ твой будетъ хорошо учиться, дамъ ему хорошее мѣсто и тебя не забуду“.

Дѣйствительно, обѣщанія свои Теофилъ сдержалъ. По окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи въ 1802 году, отецъ мой 5 октября того же года, тѣмъ же Преосвященнымъ посвященъ въ іерея, а 5 сентября 1803 года въ протоіерея

къ Покровскому собору города Козлова. Когда же умеръ дѣдъ мой, Теофиль, не смотря на то, что сынъ его Кондрать, былъ при немъ дьячкомъ, посвятилъ Кандрата во священника въ Романово на мѣсто отца. Расположеніемъ Теофила отецъ мой пользовался до самой смерти Владыки

II.

а) Родился я 16 октября 1819 года въ г. Козловѣ отъ соборнаго протоіерея Никиты Максимовича Протопопова. Сколько могу припомнить, обучаться началъ съ 7 лѣтъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 г. поступилъ въ Тамбовское духовное уѣздное училище въ низшій классъ не съ родоюю фамилію Протопопова, а Евгенова.

Это зависѣло отъ произвола ректора училищъ. Подобный произволъ, перемѣна отцовскихъ фамилій, былъ и прежде моего вступленія въ училище, продолжался и послѣ, напр. о. ректоръ, осматривая мальчика, представленнаго для записи въ училище, замѣчаетъ его быстрый взглядъ, и сейчасъ же даетъ ему фамилію Быстровзоровъ или Быстровъ. Часто случалось, что сыновья одного и того же отца носили разныя фамиліи. Этому примѣръ не далекъ. У бывшаго Тамбов. кафедральнаго протоіерея Никифора Ивановича Телятинскаго было пять сыновей, изъ нихъ одинъ только унаслѣдовалъ родовую фамилію Телятинскаго, а остальные четверо носили другія фамиліи: Побѣдоносцева, Благовѣщенскаго, Преображенскаго и Топильскаго.

Бывали случаи, что произволъ перемѣнять фамиліи зависѣлъ и отъ учителя, напр. былъ ученикъ по фамиліи Ландышевъ, и ученикъ изъ очень порядочныхъ; онъ какъ то невпопадъ отвѣтилъ учителю, учитель наказалъ его перемѣною фамиліи: „Будь ты за это вмѣсто Ландышева Крапивинъ!“ Ландышеву не правилась фамилія - Крапивинъ, онъ совѣстился за нее и въ особенности стыдился показаться Крапивинымъ отцу. Предъ отъѣздомъ на каникулы онъ умо-

лель учителя, возвратить ему прежнюю фамилію.

Училищный курсъ прошелъ безъ всякихъ рѣзкихъ, особенно бросающихся въ глаза и оставшихся въ памяти случаевъ и шалостей, кромѣ шалостей обыкновенныхъ въ то время — кулачныхъ боевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ зимнее время, они допускались даже самими учителями. И вотъ почему. Училище наше помѣщалось въ домѣ, находившемся на берегу Цны; на мѣстѣ его нынѣ пивоваренный заводъ Брандта. Домъ самой грубой, безпримѣрной, невиданной архитектуры; онъ ничѣмъ не былъ защищенъ и стоялъ въ полномъ смыслѣ на юру. Входы въ классы нижняго этажа прямо со двора, въ верхніе вела тесовая галлерей. Рамы въ классахъ ветхія, однѣ на лѣто и зиму, не рѣдко безъ стеколъ, въ классахъ было что-то похожее на печи, но онѣ отъ сотворенія своего никогда не топились и пригодны были только для склада секуторами розогъ. И въ такихъ то классахъ въ осеннее, а тѣмъ болѣе зимнее время должны были наши юныя тѣлеса выдерживать сильный холодъ и морозъ, иногда въ 25⁰/₀. Послѣ небольшой оттепели любо было смотрѣть на кристаллизацію стѣнъ. Чтобы сколько нибудь посогрѣться формально было разрѣшаемо въ присутствіи самого учителя толкать другъ друга, раскачиваясь изъ стороны въ сторону цѣлою скамьею сидящихъ. Какую бы кто не имѣлъ хорошую одежду и тутъ невыносимо, но горе и слезы не имущимъ. Допускались даже и кулачки.

Въ нестерпимо сильные морозы начальство распоряжалось переводить классы въ комнаты казеннокоштныхъ воспитанниковъ (въ бурсу). Но и здѣсь своего рода горе: обмѣнъ мѣзмовъ и насѣкомыхъ квартирныхъ на казенные; послѣ этого на квартирахъ вдругъ появлялись клопы ипр., хотя прежде ихъ и не было.

За то прохладно было въ нашемъ училищѣ во время лѣта: настывшія зимою стѣны держали въ себѣ холодъ и близко было бѣгать купаться, такъ что до начатія классовъ

и по окончаніи, Цна была запружена воспитанниками. Для удобства учителя видѣть — кто изъ учениковъ и какъ приготовилъ урокъ къ классу — ученики были подчинены аудиторамъ, каждому человѣкъ по 10 и менѣе. Одинъ только ученикъ не имѣлъ аудитора, слѣдующіе занимъ 10 — человѣкъ репетировались у него, затѣмъ 10 у другаго и такъ далѣе. Каждымъ изъ аудиторовъ были заведены нотаты, съ разграфленными противъ имени и фамиліи ученика листочками на каждый мѣсяць; въ нихъ всякій урокъ отмѣчался знаками: S (scit), er (errat), ns (nescit). Подобнаго рода нотаты были установлены на каждый предметъ по списку учителя. Были случаи, что хорошіе ученики по латинскому языку, стояли низко по греческому, математикѣ и потному дѣлю. При входѣ учителя въ классъ, по прочтеніи молитвы, первымъ дѣломъ начинался пересмотръ нотатъ, вслухъ произносились фамиліи учениковъ не твердо знающихъ и вовсе не знающихъ урока; всѣ они вызывались на средину для объясненія причины незнанія. Не приготовившіе урока большею частію ссылались на боль головы и живота отъ чего и вышла поговорка: *животъ да головка, семинарская отговорка*. Иногда въ оправданіе выставляли притѣсненіе аудитора, просившаго грошь или булку. Первые ставились на колѣна, или получали по 5 палъ по рукѣ, а послѣднихъ, жаловавшихся на аудиторовъ, для убѣжденія, спрашивали урокъ. При удовлетворительномъ отвѣтѣ, наказаніе падало на аудитора: учитель или дѣлалъ ему выговоръ, или становилъ его на колѣна, а то и отдавалъ въ распоряженіе розгачей. Но бѣда не отвѣтившему урока. Онъ получалъ сугубое наказаніе: за незнаніе и за клевету на аудитора. Розгачи слишкомъ усердно отправляли обязанность надъ этими несчастными. Между аудиторами были охотники до грошей и булокъ; не знавшимъ урока они снисходили, рассчитывая на „авось“. Но жутко приходилось молодымъ взяточникамъ, если учитель нечаянно попадалъ на незнающаго урока, который отмѣченъ

знающимъ. Аудиторъ и ученикъ, подвергались, по тогдашнему выраженію, „лупцовки“. Правдивые аудиторы, несклонные на грошовый подкупъ и строго требовавшіе исполненія уроковъ, носили названіе „жучелки“, отъ слова жучить или пробирать. — Эти-то жучелки были не по сердцу привыкшимъ отлынивать отъ исполненія уроковъ; чтобы избавиться отъ такого аудитора, они упрашивали учителей о переходѣ къ другому, болѣе снисходительному. Но благоразумные учителя большею частію не уважали ихъ просьбъ и нерѣдко чрезъ это ученикъ исправлялся.

Кромѣ нѣкоторыхъ аудиторовъ, пристрастныхъ ко взяткамъ, были еще наглеые взяточники, — это секутора или семинарскіе палачи, люди отпѣтые, перестарки, окончательно отбившіеся отъ наукъ. Они были терпимы только для экзекуціи. Къ концу курса ихъ поголовно исключали. Секутора составляли цѣлый штатъ, въ который входили: собственно секунторъ, избранный имъ помощникъ и человекъ четыре держальщиковъ. Этотъ персоналъ палачей не зналъ ни какихъ ученическихъ обязанностей; ихъ отвѣтственный долгъ: приготовить свѣжія розги, и похлеще вздуть, кого прикажутъ, въ дѣлѣ же учебы они были въ состояніи невмѣняемости. Главнѣе изъ среды этихъ личностей именно два палача, безъ зазрѣнія совѣсти и разбора вымогали взятки со всего класснаго міра, грозя, въ случаѣ не исправности, показать небо съ овчинку. — Страха ради каждый сдавался на ихъ требованія. Больно было сносить наказаніе розгами въ особенности отъ неудовлетвореннаго секутора, но, кажется, больнѣе всего это *пали*. Жестокое время! Были у нѣкоторыхъ учителей такого рода замашки: заставить ученика разбирать и переводить по латини или по гречески и за каждую ошибку, приказываетъ вытягивать ладонь руки; по ней немилосердо со всего размаха дѣлалъ секунторъ палю розгою или лозою. Ученикъ, едва не ребенокъ, въ то же мгновеніе подпрыгивалъ на мѣстѣ, дулъ на руку, горѣвшую отъ не

стерпимаго жара, слезы градомъ катились изъ глазъ. Ученикъ отъ боли совсѣмъ терялся, дѣлалъ еще больше ошибокъ, получалъ вновь пали и въ концѣ концовъ доходило до того, что рука нѣмѣла, пухла и синѣла. Подобное наказаніе въ полномъ смыслѣ можно подвести подъ категорію инквизиціи.

Рѣдкій изъ учителей не имѣлъ у себя подручнаго фискала, который передавалъ ему всѣ подпольныя ученическія продѣлки и шалости. Кличка такихъ учениковъ «*выслужки*».

За порядкомъ въ классѣ до прихода учителя наблюдалъ старшій ученикъ, часто также умѣвшій въ свою пользу располагать властію, данною свыше.

Едва ли, во всемъ этомъ тяжеломъ и грустномъ виноваты, за небольшимъ исключеніемъ, наши начальники и паставники? Нѣтъ! это было плодомъ времени, результатомъ общаго невѣжественнаго и грубаго настроенія съ бѣдностію во главѣ.

И можно ли послѣ воспоминанія о жалкомъ прошедшемъ пройти молчаніемъ, не сказать отъ души добраго слова о нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ училищныхъ наставникахъ какъ то: Теодоръ Михайловичъ Нечаевъ, впоследствии перешедшемъ въ Тамбовскую гимназію, Иванъ Матвѣевичъ Щецотьевъ, (бывшемъ послѣ протоіереемъ города Усмани) и Гавріилъ Петровичъ Тарховъ (кажется, умершемъ въ учительской должности). Эти наставники при ничетѣ матеріальной, положенія совсѣмъ необезпеченномъ, сѣумѣли остаться людьми умными, правдивыми, напрасно, безъ разбора, ни кого не обижавшими.

Въ бытность мою въ училищѣ, въ 1830 году духовное сословіе было неожиданно поражено страшнымъ погромомъ, разумѣю наборъ изъ лицъ духовнаго званія. Высочайше повелѣно было чрезъ Св. Синодъ секретно дознать отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ: нѣтъ ли въ виду, въ средѣ духовенства, такихъ лицъ, которые бы по неспособности къ поступленію въ духовное званіе, или порочному поведенію могли быть обращены въ званіе военное.

Пресвящ. Евгеній, бывшій въ то время въ Тамбовѣ, неизвѣстно изъ какихъ видовъ и расчетовъ, энергически принялся за это дѣло, разославъ благочиннымъ секретныя предписанія строжайше и неупустительно вслѣдить и записать: 1, всѣхъ, замѣченныхъ въ чемъ либо, хотя и самомалѣйшемъ, 2, церковниковъ, праздно проживавшихъ въ домахъ родителей, (церковниками въ то время назывались вовсе незаписанные въ дух. училище и на дому обучавшіеся только славянскому чтенію и вотному пѣвию; со временемъ они поступали на должности причетниковъ); 3, всѣхъ исключенныхъ или кончившихъ курсъ, но не получившихъ еще мѣсть и 4, заштатныхъ и всѣхъ не имѣвшихъ мѣста, не исключая больныхъ и увѣчныхъ. Вотъ тутъ-то открылось широкое поле для безчестныхъ искателей повредить другому: начались доносы, обнаружались давно затаенныя личности, подкупы къ обвиненію другаго и своему оправданію. Да и чего не было въ этомъ дѣлѣ?! Списки всѣхъ несчастныхъ съ подробною отмѣткою противъ каждаго представлены были архіерею. Вызывая по нимъ якобы только порочныхъ, безъ суда и слѣдствія Пресвященный отсылалъ въ военное вѣдомство, гдѣ не обращали строгаго вниманія ни на лѣта, ни на тѣлесные недостатки; *косу и подрясникъ прочь, красную шапку на голову, спрюю шинель на плечи и изъ духоваго лица готовь солдатъ.*

Та же участь постигла и учениковъ училищъ и семинарій, провинившихся хотя бы въ пустякахъ. Вѣроятно еще свѣжъ въ памяти шестидесятилѣтнихъ стариковъ Степанъ Ареопагитскій, прекрасный воспитанникъ богословскаго класса, поэтъ въ душѣ и неукоризненнаго поведенія. Онъ по пустѣйшему случаю былъ сгубленъ въ это лютое безпощадное время. Разъ какъ-то, по самой уважительной причинѣ, Ареопагитскій не почевалъ дома; провѣдалъ объ этомъ Евгеній и, немедля, приказалъ забрить ему лобъ. Ходатайства и просьбы профессоровъ предъ немилостивымъ и суровымъ пастыремъ за хорошаго и нравственнаго воспитанника оста-

лись гласомъ вопіющаго въ пустынь. Трудно сказать, чтобы кто либо изъ воспитанниковъ семинаріи всего минувшаго столѣтія оставилъ для товарищескаго семинарскаго кружка столь прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбное воспоминаніе, съ какимъ не переставалъ жить среди воспитанниковъ Тамбов. семинаріи Ареопагитскій въ продолженіи нѣсколькихъ курсовъ, по выходѣ изъ семинаріи. Онъ писалъ стихи, въ которыхъ воспѣвалъ горькую участь свою, (какъ бы предчувствуя ее) и всей семинарскаго голи и бѣдности. Но не скорбь только и жалобы на судьбу свѣтились въ произведеніяхъ этого несчастнаго пѣвца. Преданность Богу, любовь къ родинѣ и людямъ всецѣло проникали его скорбную элегію. Въ продолженіи нашего семинарскаго курса стихи Ареопагитскаго перелagались на ноты и распѣвались подъ аккомпаниментъ гитары.

Много, много въ это время было несчастныхъ не по своей винѣ! Сколько осталось жалкихъ сиротъ безъ покровя, опоры и надзора! Не одинъ былъ такой случай: отецъ съ исключеннымъ сыномъ, даже двумя, шелъ въ военную службу, оставляя на произволь слѣпой судьбы, жену съ малолѣтними дѣтьми. Это не выдумка моя, по истиная, вопіющая правда. Стоило только придти къ сборному пункту (въ Теплой улицѣ, около кабака, гдѣ теперь колодцы) во время переключки новобранцевъ, чтобы увидѣть грустную, раздирающую сердце картину. Каждый бѣдный страдалецъ былъ окруженъ группою своей надрывающей отъ горя семьи; вопль, стоны и отчаянный ропотъ на злую долю и ея виновника потрясали воздухъ. Съ какимъ бы кто ни былъ каменнымъ сердцемъ и тотъ бевольно разжалобился бы увидя такую грустную сцену. Не одинъ старикъ отецъ, едва передвигавшій ноги и не одна безпомощная старуха мать, уже пригнувшаяся къ землѣ отъ долгихъ лѣтъ, обливали горькими слезами Теплую улицу, разставаясь навсегда съ своимъ единственнымъ сыномъ. Безъ сожалѣнія нельзя было смотрѣть на позу Ареопагитскаго: скрестивши руки, устремивъ глаза на какой нибудь отдаленный

предметъ, въ состояніи самой унылой апатіи, онъ, какъ окаменѣлый, стоялъ безъ всякаго движенія, каждый разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Если бы пришелъ сюда Евгений и хорошенько взглянулъ въ скорбную картину, нарисованную имъ однимъ почеркомъ пера, чтобы онъ почувствовалъ? Вѣроятно онъ смиловался бы надъ несчастными

Очевидцемъ описанныхъ сценъ, повторявшихся ежедневно до выгонки новобранцевъ изъ города, я былъ нѣсколько разъ. Онѣ глубоко вѣзались въ мою память и съ дѣтства внушали боязнь поступить въ духов. званіе.

Впослѣдствіи оказалось, что Тамбовскій архіерей своимъ усердіемъ въ этомъ случаѣ превзошелъ всѣхъ другихъ, отсылавшихъ въ военное вѣдомство, въ полномъ смыслѣ достойныхъ того; а нѣкоторые архипастыри даже заявили, что у нихъ совершенно нѣтъ порочныхъ. Изъ взятыхъ въ Тамбовѣ въ военную службу едва только третья часть годилась въ команду, большинство же, вышедшіе изъ лѣтъ, больные и увѣчные, поступили въ инвалиды.

Выгонка новобранцевъ изъ Тамбова была выдающеюся, необыкновенною. Новобранцы явились на сборный пунктъ, потомъ отправились по нѣсколько человекъ въ рядъ зацѣвъ: «Всемирную славу». Поровнявшись съ Казанскимъ монастыремъ, снявъ фуражки, сдѣлали земной поклонъ и отправились съ пѣніемъ «достойно есть». Провожающихъ было вѣсть числа, почти весь городъ.

Не таковы были проводы Преосвящ. Евгенія, который послѣ набора получилъ назначеніе въ Минскъ 17 апрѣля 1832 г. На послѣдней отслуженной имъ литургіи желавшихъ взглянуть и проститься, съ нимъ въ послѣдній разъ, кромѣ духовенства, воспитанниковъ семинаріи и училищъ, окончательно ни кого не было. Благословеніе его сосредоточилось на однихъ только насъ, разставленныхъ по обѣ стороны, начиная отъ выхода изъ церкви Казанскаго монастыря, въ прямомъ

направленіи до большой улицы, здѣсь ожидала Евгенія дорожная карета ¹⁾).

б) Перейдемъ къ воспоминаніямъ семинарской жизни (1834—1840 г.) неотрѣшаясь впрочемъ, окончательно отъ училищнаго быта; семинарская жизнь и училищная въ наше время не на столько были разобщены, чтобы можно было говорить объ одной, не затрогивая другую.

На порогѣ въ семинарію, прежде другихъ начальниковъ и наставниковъ, пришлось встрѣтиться съ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Іоанномъ, который, при переходѣ моемъ изъ училища въ семинарію, назначенъ былъ къ намъ ревизоромъ и экзаменаторомъ. Человѣкъ на видъ строгій, но правдивый, умный и любимый учениками семинаріи, такъ что

¹⁾ Изъ документовъ семинарскаго архива видно, что и въ воен. службѣ Степанъ Ареопагитскій а), обратилъ на себя вниманіе.—Командиръ лейбъ-гвардіи коннополюскаго эскадрона въ С. Петербургѣ, Дараганъ, вѣроятно, чтобы поспособствовать повышенію Ареопагитскаго и стереть пятно съ его поведенія, какъ видно изъ отношенія его (см. въ дѣлѣ семинар. архива 1840 г. подъ № 10) въ здѣшнее семинарское правленіе отъ 26 января 1840 г. за № 30, неоднократно просилъ семинарское начальство, сперва, отъ 27 сентября 1839 г. за № 407, о выдачѣ Ареопагитскому форменнаго свидѣтельства, а по отказѣ въ этомъ, отзыва «въ такомъ видѣ, что ученикъ, (нынѣ писарь) Ареопагитскій дѣйствительно съ 1822 по 7 апрѣля 1831 года находясь въ Тамбов. семинаріи, слушалъ всѣ предметы, какіе въ оной преподаются, не упоминая того, что онъ былъ отосланъ въ губернскае правленіе за дурное поведеніе: ибо, по существующимъ военнымъ постановленіямъ, проступки, содѣянные воинскими чинами до поступленія въ военную службу, не должны имѣть ни какого вліянія на оную».—Вслѣдствіе чего, какъ видно изъ справки (въ журналѣ правленія подъ ст. 16, февраля 17 1840 года) «разсуждено; согласно отношенію лейбъ-гвардіи Г. Дарагана извѣстить, что бывшій ученикъ Ареопагитскій дѣйствительно обучался съ 1822 и по 7 апрѣля 1831 года первоначально въ Тамбов. училищахъ всѣмъ предметамъ, какіе въ оныхъ преподаются, а потомъ въ классѣ словесности и философіи семинаріи, не аттестуя самыхъ успѣховъ въ наукахъ равно и поведенія».

а) Въ № 15, 1877 г. Тамб. Еп. Вѣдомостей онъ названъ *Діонисіемъ* ошибочно.

когда онъ скончался (вскорѣ послѣ училищнаго экзамена), ученики семинаріи на своихъ рукахъ несли его до Трегуняева монастыря (на разстояніи 7 верстъ отъ Тамбова) и на свой скудный коштъ воздвигли надъ его могилою памятникъ.

Не таковы были: преемникъ Іоанна, ректоръ семинаріи и настоятель Козловскаго Троицкаго монастыря, архимандритъ Адрианъ и инспекторъ, архимандритъ Лаврентій.

Эти двѣ личности для всѣхъ, кто жилъ съ ними и зналъ ихъ, были просто не отъ міра сего. Они какъ будто не отъ человѣческаго грѣшнаго естества родились, какъ будто никогда не жили съ людьми. Безъ преувеличенія скажу: нашъ о. ректоръ и инспекторъ ни объ одномъ предметѣ мірскомъ, житейскомъ не имѣли никакого понятія. Сомнительно: видѣли ли они міръ, слышали ли о немъ что либо? Подать совѣтъ, вразумить подчиненнаго, сдѣлать взысканіе, для нихъ было не посильнымъ и не подходящимъ трудомъ, со стороны же, страннымъ и жалкимъ, дѣломъ. Всякое объясненіе съ ними кончалось какъ-то странно; изъ ихъ словъ окончательно ни чего не выходило. Бывало слушаешь, слушаешь, что они говорятъ повѣдуютъ и почти ни чего не вынесешь изъ ихъ морали.

Ректоръ былъ совсѣмъ малаго роста, лицомъ угреватъ, одна нога короче другой, безпрестанно отплевывался въ разныя стороны, изъ разговоровъ видво было, что вовсе не владѣлъ даромъ слова, имѣлъ привычку, ни чего не сказавши, произносить: *камено, да и тилько*, вмѣсто: да и кончено.

Инспекторъ наоборотъ, былъ роста очень высокаго, ходилъ скоро, подвявъ голову вверхъ, какъ будто наблюдая планеты небесныя, онъ не только ни чего не видалъ подъ ногами, но и проходящихъ мимо рѣдко замѣчалъ; имѣлъ привычку носить подъ мышкою трость; въ началѣ рѣчи и во время разговора, втягивалъ въ себя воздухъ и въ ту жъ минуту выпускалъ его изъ себя, съ шипѣніемъ и съ протяжнымъ прибавленіемъ *да-с-съ*.

Ректоръ Адрианъ, до нельзя неопытный и нечистоплот-

ный, терпѣлъ грязь и на воспитанникахъ. Ученики въ грязномъ бѣльѣ, запачканномъ и изодранномъ халатѣ, или чуйкѣ, въ лаптяхъ, или худыхъ сапогахъ, съ непричесанными волосами, низко изгибавшіеся и на видъ ханжи—правились Адриану и считались лучшими, благовравнѣйшими учениками семинаріи. Не то для о. Адриана воспитанники причесанные, опрятно одѣтые, въ короткихъ сюртукахъ, въ смазныхъ вычищенныхъ сапогахъ; онъ сомнѣвался въ ихъ нравственности, опасался за вредное вліяніе ихъ на другихъ; гналъ и преслѣдовалъ ихъ. Чтобы попасть въ милость и получить къ себѣ расположеніе этого начальника, необходимо было прибѣгать къ неряшливости: облекаться въ какую либо хламиду, и изгибаться до униженія.

Передъ экзаменомъ о. Ректоръ слишкомъ много хлопоталъ, чтобы лицомъ показать предъ высшимъ начальствомъ смиреніе, нравственность и благовоспитанность своихъ питомцевъ; строго на строго, съ угрозами приказывалъ одѣться, какъ можно приличнѣе; это значило: имѣть верхнюю одежду, какъ можно длиннѣе. Семинаристы, не желая впасть въ немилость Ректора, прибѣгали съ просьбою къ знакомымъ или хозяевамъ квартиръ, большею частію мѣщанамъ и выпрашивали у нихъ длиннополые до пятъ сюртуки или сибирки со сборками назадъ. Вотъ въ эти-то костюмы съ чужихъ плечъ, широкіе или узкіе—безъ разбора, съ отвисшими рукавами, треплющимися, развѣвающими воздухъ фалдами и облекались воспитанники идя на экзамены; ханжи оставляли на этотъ разъ свои хламиды; а щеголи—короткіе сюртуки.—За костюмированные въ чужое, не по нимъ сшитое, нѣкоторые были до невѣроятія смѣшны и уродливы.—Остротамъ, провіи, юмору и каламбурамъ до прихода наставниковъ не было конца; хихиканья не прекращались и въ время экзамена. Чтобы не разразиться громкимъ смѣхомъ, глядя на переряженныхъ товарищей оставалось одно: смотрѣть вверхъ.

Одинъ изъ товарищей нашихъ Алексѣй Алексѣевичъ

Свѣшниковъ, Козловскій уроженецъ, одѣвался франтомъ и былъ высокаго роста. На него во всемъ Тамбовѣ гождь былъ только сюртукъ архіерейскаго портнаго Василя Алексѣевича, который, по добротѣ своей, на случай экзамена постоянно ссужалъ имъ Свѣшникова. Свѣшниковъ, преобразившись изъ одной крайности въ другую, изъ короткаго сюртука въ длиннѣйшій, представлялъ изъ себя разительное перерожденіе и былъ до нельзя каррикатурень.

Между тѣмъ эта кукольная комедія, или лучше водевиль съ переодѣваніемъ, по сердцу былъ о Ректору; франты, перерядившіеся въ длиннополые сюртуки или сибирки, какъ блудные сыновья, возвратившіеся къ отцу, доставляли ему не поддѣльное удовольствіе: изъ раздражительнаго и придирчиваго онъ становился къ нимъ ласковъ и снисходителень.

Инспекторъ мало обращалъ вниманія на костюмъ учениковъ; имѣя привычку постоянно смотрѣть въ верхъ или потолокъ, онъ не зналъ многихъ воспитанниковъ даже въ лицо, въ особенности не изъ своего класса.

Надо же было въ нашъ курсъ быть такимъ двумъ начальникамъ. Не пользуясь любовью воспитанниковъ за подобныя странности и дурное преподаваніе предметовъ, они не любимы были и Преосвященнымъ Арсеніемъ. Преосвященный во время экзаменскихъ диспутовъ, если въ споръ вступался о Ректоръ или инспекторъ, не разъ замѣчалъ: *„Вы молчите, это дѣло не ваше!* и предоставлялъ слово преподавателю или ученику.

То-ли наши наставники, большею частію съ прекраснымъ даромъ слова, дѣльные строгіе, правдивые? При случаяхъ они умѣли дать родительскій совѣтъ, по мѣрѣ надобности дѣлать внушеніе, даже наказать. Судьба обидѣвъ насъ начальниками, наградила учителями.

Въ наше время въ семинаріи было два отдѣленія низшихъ, два—философіи и два—богословія. Профессоромъ въ 1 отдѣленіи словесности былъ Николай Владиміровичъ Ор-

жевскій, но онъ еще во время каникулъ отправился на службу въ С.-Петербургъ, по настоянію брата своего Василя Владиміровича. На его мѣсто былъ присланъ Павелъ Ивановичъ Остроумовъ. — Эстетикъ, любитель красоты и изящнаго. Онъ писалъ стихи и разговоры, которые читали и на публичныхъ экзаменахъ, что особенно правилось бывшему въ то время Преосвященному Арсенію (*впоследствии Кіевскому Митрополиту*). На классныхъ занятіяхъ Остроумовъ строго слѣдилъ при чтеніи прозы и устныхъ отвѣтахъ за отчетливымъ выразительнымъ и сознательнымъ выговоромъ, а при декламированіи стиховъ за соблюденіемъ интонаціи въ голосѣ.

А Иванъ-то Алексѣевичъ Савостьяновъ, этотъ гуманнѣшій изъ людей, философъ по призванію и присягѣ!! Неужели онъ когда либо исчезнетъ изъ памяти своего потомства, неужели его питомцы, теперь уже сѣдые дѣды, не передадутъ памяти о немъ своимъ внукамъ?! Едва ли! Каждый изъ насъ, его учениковъ, вѣроятно, еще не забылъ того напряженнаго, сосредоточеннаго вниманія въ области груднѣйшей изъ наукъ, того изворотливаго дара слова, той простоты, ясности и наглядности возраженія темнѣйшей философской идеи, которыми Иванъ Алексѣевичъ приковывалъ къ себѣ, покорялъ наши молодые умы на столько, что классъ въ сто человѣкъ, всецѣло обращался во вниманіе съ своимъ учителемъ, умственно сливался съ нимъ, при мертвой тишинѣ, полномъ мысли, слова и жизни.

На нашъ взглядъ, конечно, ограниченный, Савостьяновъ ума не виданнаго, необъятнаго, образованія неслыханнаго. Всѣ предметы, преподавшіеся въ семинаріи, были извѣстны ему до тонкости, спеціально; думается, что и кромѣ этого онъ зналъ многое. Какъ истинно образованный человѣкъ, нрава онъ былъ кроткаго, во всю свою жизнь не то, что курицы, какъ говорится, но и мухи не обидѣлъ. При нищенскомъ жалованьи профессора семинаріи, пользуясь бѣднымъ

казеннымъ помѣщеніемъ въ одну комнату съ перегородкою для туалета (въ бывшемъ семинарскомъ флигелѣ къ Покровской площади), онъ, какъ замѣтно, вполне доволенъ былъ своею судьбою. Велъ жизнь замкнутую, не выходилъ даже ни къ кому изъ своихъ товарищей, не смотря на то, что любилъ ихъ и былъ ими любимъ; весь его моціонъ: отъ комнаты до класса—сажень въ десять и обратно, по окончаніи урока, въ комнату. Приходу къ нему товарища былъ душевно радъ. Любилъ ученые споры и диспуты. На экзаменахъ Преосвящ. Арсеній, знавшій умъ и познанія Савостьянова, нарочно старался дѣлать такія возраженія, которыя могли бы затронуть его; и съ удовольствіемъ нужно было слышать и видѣть, какъ Савостьяновъ входилъ въ экстазъ. Вопросы и возраженія—какого бы предмета они ни касались—его ли или предмета другихъ преподавателей, для Савостьянова были безразличны.—Очень не рѣдко случалось, что ученики, или даже учитель затруднялись отвѣчать на предложенный Преосвящ. Арсеніемъ вопросъ (конечно не по предмету Савостьянова); Савостьяновъ принималъ участіе и трудный, запутанный вопросъ разрѣшался скоро и легко. Вотъ эти то истинныя, а не напускныя достоинства, которыми такъ полною міръ, сдѣлали скромнаго, замкнутаго труженника извѣстнымъ въ свое время всему Тамбову; по фамиліи, которая кажется никогда не умретъ, Савостьянова зналъ каждый мальчикъ. Можно ручаться, что многіе изъ теперешнихъ семинаристовъ, по преданію знаютъ Савостьянова, славнаго учителя ихъ отцевъ. Какую бы этотъ человекъ могъ составить карьеру для себя и какую бы принесъ пользу другимъ, если бы онъ стоялъ на другой, болѣе широкой и видной общественной должности.

Прахъ Савостьянова лежитъ на здѣшнемъ Успенскомъ кладбищѣ; любовь къ нему воспитанниковъ выразилась и оправдалась воздвигнутымъ надъ его могилою памятникомъ, по скуднымъ средствамъ воспитанниковъ, очень приличнымъ.

„Спи подъ немъ могильнымъ сномъ праведника, нашъ незабвенный наставникъ, *благій и вѣрный рабъ Господина твоего!* Спи до той минуты, когда Господь, поручившій тебѣ *малое* въ юдоли земной, введетъ тебя *въ радость* свою и поставитъ надъ *многимъ* въ обители небесной“!

Къ сожалѣнію, внѣ-классное время почти даромъ проходило для нашего образованія; кромѣ письменныхъ упражненій на латинскомъ языкѣ, на-дому мы мало занимались наукой. Литература того времени еще бѣдна была русскими произведеніями, а семинарская библіотека тѣмъ болѣе. Учебники, за исключеніемъ записокъ Филарета по Богословію, всѣ были на латинскомъ языкѣ, въ волю уже наскучившемъ воспитанникамъ. Къ тому же они не отличались своими педагогическими достоинствами: сжатые, схоластичные и не удобопонятные,—всѣ въ родѣ словесности Бургія,—они скоро отталкивали отъ себя учениковъ. Несомнѣнно высоко бы стояло наше образованіе, и дорого бы далъ каждый изъ насъ, если бы при нашихъ разумныхъ наставникахъ, у насъ были дѣльные учебники на русскомъ языкѣ и богатая русская литература, которая въ такомъ изобиліи предложена современному поколѣнію — нашимъ дѣтямъ.

Для удобства надзора за своекоштными воспитанниками, квартиры были раздѣлены на нѣсколько участковъ. Воспитанники училища состояли подъ наблюденіемъ учителей, носившихъ названіе субъинспекторовъ. За воспитанниками семинаріи наблюдали профессора съ прикомандированными къ нимъ по два старшихъ, изъ среды хорошихъ учениковъ. Учителя и профессора со старшими обязаны были: возможно чаще посѣщать квартиры, слѣдить за нравственностію, прилежаніемъ учениковъ, вникать,—есть ли надъ ними надзоръ, опрятно ли содержится квартира, не замѣтно ли болышой тѣсноты въ размѣщеніи; обращать вниманіе на отлучки учениковъ съ квартиръ; испытывать мало успѣвающихъ,—

готовы ли у нихъ уроки, въ особенности, когда заставляли ихъ спать.

Но учителя училищъ и профессора семинаріи рѣдко посѣщали квартиры воспитанниковъ, по большей части это лежало на отвѣтственности главныхъ старшихъ. Но они, чтобы не подвести постоянныхъ квартирныхъ старшихъ подъ замѣчаніе начальства и тѣмъ не лишить ихъ выгодъ, получаемыхъ съ дѣтей достаточныхъ родителей—деньгами или продуктами, иногда только доносили о проступкахъ учениковъ, чаще же мирволили неисправнымъ воспитанникамъ.

Казеннокоштные воспитанники семинаріи и уѣздныхъ училищъ, проживая въ семинарскихъ корпусахъ, находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора семинаріи. Каждый номеръ комнаты имѣлъ поставленнаго по распоряженію начальства старшаго, лучшаго ученика Богословія (надъ семинаристами), а иногда—философіи и даже словесности (надъ училищными воспитанниками).

Классныхъ уроковъ до обѣда было два. Ровно въ 12 часовъ всѣ воспитанники распускались по домамъ для обѣда и подготовки къ послѣобѣденному уроку (съ 2 до 4 часовъ), кромѣ четверга. Въ этотъ день для казенныхъ воспитанниковъ топилась баня. Предъ началомъ и окончаніемъ каждаго класса билъ звонокъ. Инспекторъ спустя нѣсколько минутъ послѣ звонка обходилъ всѣ комнаты, гдѣ жили воспитанники и собирались нѣкоторые изъ приходящихъ, осматривалъ—не остался ли въ нихъ кто либо изъ воспитанниковъ, расчитывавшихъ хотя нѣсколько минутъ отлынить отъ срочнаго часа ученія. Нѣкоторые изъ старшихъ по истеченіи срочныхъ минутъ, аккуратно запирали комнаты на замокъ, но другіе относились къ этому небрежно и въ нихъ—то вчастую заставлялись не такъ-то усердые къ урокамъ воспитанники. Увидя инспектора, они дождемъ сыпались изъ бурсацкихъ комнатъ по классамъ, стараясь миновать инспекторской палки, которая безъ разбора гуляла по вос-

питанникамъ, не щадя и комнатныхъ старшихъ, почему-либо замѣшкавшихся въ комнатѣ. Случалось, что отъ инспекторской палки нездорово приходилось родителямъ и родственникамъ воспитанниковъ, приѣзжавшимъ для свиданія съ ними. На этотъ разъ и они бѣжали безъ оглядки, куда пошало.

Обѣдъ воспитанниковъ начинался сей-часъ же послѣ уроковъ. За столомъ было распределено каждому свое мѣсто; на четырехъ человекъ подавалась чашка щей, въ скоромный день съ говядиною и чашка каши съ коровьимъ масломъ; въ постные дни—щи, приправленная крупною и постнымъ масломъ, или картофельная похлебка, или жидкая кашичка изъ пшена съ картофелемъ и каша съ постнымъ масломъ. Пироговъ и жаркаго не полагалось, развѣ для оставшихся на Пасху и Рождество. Столы никогда не покрывались скатертями и приборовъ ни какихъ не было. Хлѣба подавалось въ волю; но много шло и даромъ, на примѣръ, ломоть хлѣба нечаянно разломленный или нѣсколько подмоченный въ пищу не шель—ученикъ бросалъ его подъ столъ. Хлѣбъ приготовлялся ежедневно въ четыре-угольныхъ, продолговатыхъ жестяныхъ формахъ и всегда славился вкусомъ и мягкостію. Хлѣбы для воспитанниковъ первоначально ставили въ нѣсколькихъ огромныхъ дежахъ и мѣсили веслами. Но это было весьма трудно и неудобно; послѣ, неизвестно по чьей инициативѣ, устроены были изъ толстыхъ досокъ двухъ аршинные квадратные, въ ротѣ сундука, ящики, окованные желѣзомъ; ихъ укрѣпляли на двухъ твердыхъ столбахъ; въ срединѣ этого ящика, съ одной стороны былъ шипъ, проходившій въ одинъ столбъ, а съ другой длинная желѣзная ручка, пропущенная въ другой; при помощи этой ручки двое служителей свободно вращали ящикъ кругомъ и хлѣбъ вымѣшивался лучше и скорѣе, чѣмъ веслами. Къ чести эконома нужно сказать, что мука, приготовляемая для хлѣбовъ, всегда первоначально просѣивалась чрезъ гро-

мадныя проволочныя рѣшета. Но *квасъ рвалъ глазъ, теши, а за ухомъ тицить*, — *жиже воды и крѣпче укуса*.

Во время утренняго и вечерняго стола, инспекторъ для порядка и благопристойности не опустительно присутствовалъ самъ, ходя взадъ и впередъ по столовой, пока воспитанники не разберутся по своимъ комнатамъ.

Послѣ каждаго обѣда и ужина выгребалось громаднѣйшее количество кусковъ хлѣба, который шелъ на продовольствіе разведенныхъ экономомъ семинаріи свиней; равно куски продавались и частнымъ лицамъ для корма лошадей и коровъ. Нѣизвѣстно, куда употреблялись вырученныя отъ продажи свиней и хлѣба деньги. По крайней мѣрѣ свинина, въ пищу воспитанникамъ никогда не шла.

Ужинъ начинался очень рано, зимою часовъ въ 6 или 7, а лѣтомъ засвѣтло — часовъ въ 8. Послѣ ужина воспитанники занимались подготовкою уроковъ часовъ до 10. Иногда въ продолженіе занятій инспекторъ дѣлалъ обходъ, но это было очень рѣдко; главный его обходъ, для удостовѣренія всѣ-ли на-лицо, былъ послѣ десяти часовъ, когда воспитанники ложились спать. — И горе тому, чье мѣсто оказывалось пусто!

Въ наше время, съ начала вступленія моего въ училище до самаго окончанія курса, при семинаріи не было церкви. Воспитанники, казенныя и квартирныя, обязаны были по распоряженію начальства ходить къ ранней обѣднѣ въ соборъ; исключенія не было даже для тѣхъ воспитанниковъ, которые, по не имѣнію средствъ, занимали квартиры около астраханскихъ воротъ и вообще близъ вала — въ низовыхъ улицахъ. А обо всенощной не могло быть и рѣчи: въ то время ни въ одной церкви не было службы съ вечера, кромѣ Архіерейской крестовой. Впрочемъ, такое распоряженіе продолжалось не долго, вскорѣ было велѣно вмѣсто собора ходить въ ближайшія приходскія церкви; для наблюденія старшіе обязаны послѣ каждаго праздничнаго дня рапорто-

вать о не бывшихъ у богослуженіи, и, конечно, за это воздавалось каждому изъ неходящихъ въ церковь приличное возмездіе. Впослѣдствіи, когда выбылъ изъ семинаріи бывшій экономъ, священникъ Степанъ Абрамовичъ Березнеговскій (тестъ врача М. М. Николаева), и на мѣсто его вызванъ ректоромъ семинаріи Адрианомъ изъ Козловскаго монастыря іеромонахъ Приней, для учениковъ семинаріи началось отправляться всенощное бдѣніе въ одной изъ бурсацкихъ комнатъ съ вечера.

При переходѣ въ классъ богословія, обыкновенно въ каждое воскресенье и праздничный день назначалось по десяти человѣкъ воспитанниковъ къ посвященію въ стихарь для произношенія слова Божія. Но нашъ курсъ былъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи: Преосвящ. Арсеній, вмѣсто посвященія насъ въ стихарь, потребовалъ къ себѣ списки учениковъ обоихъ отдѣленій; благословивъ ихъ (списки), разрѣшилъ безъ посвященія облекаться въ стихарь и говорить проповѣди. Проповѣдники по порядку списка назначались ректоромъ семинаріи по всѣмъ городскимъ приходскимъ церквамъ во всѣ воскресные и церковные праздники. Каждый получившій назначеніе воспитанникъ обязанъ былъ представить ректору свою проповѣдь на цензуру за два дня до произнесенія ея, потомъ предъ обѣднею въ тотъ же день ученикъ являлся за полученіемъ проповѣди; принявъ благословеніе, воспитанникъ отправлялся въ указанную ему церковь, и, сказавши проповѣдь, опять адресовался къ Ректору за благословеніемъ. Суда по количеству учениковъ, около двухъ сотъ если не болѣе въ обоихъ отдѣленіяхъ, каждому приходилось сказать въ годъ проповѣди двѣ—не болѣе.

Залъ (впослѣдствіи прежняя церковь), на время публичнаго экзамена, былъ украшаемъ натуральными цвѣтами; стѣны увѣшивались гирляндами и вензелями, а также портретами нѣкоторыхъ изъ бывшихъ Архіереевъ; на полу предъ столомъ Пресвященнаго по лучшему узору былъ набранъ и

выложенъ изъ цвѣтовъ коверъ съ орлецами. Преимущественно художниками этого дѣла были: Петръ Евдокимовичъ Солярскій, Петръ Павловичъ Пальмовъ и Егоръ Андреевичъ Залетинъ. Для сбора цвѣтовъ, разрѣшалось начальствомъ ученикамъ отправляться въ лѣса—архіерескіе хутора и Трегуляевъ монастырь; много очень хорошихъ цвѣтовъ добывалось изъ здѣшнихъ городскихъ садовъ. Заль во время экзамена переполнялся публикой: губернаторъ, почетное купечество, многіе изъ чиновниковъ и дворянъ были непремѣнными свидѣтелями нашихъ отвѣтовъ на экзаменѣ.

Два хора пѣвчихъ—архіерейскій и семинарскій, въ антрактахъ, пѣли концерты. На семинарскихъ публичныхъ экзаменахъ особенный эффектъ производили сочиненія Остроумова, написанныя въ разговорной формѣ. Таковыхъ произведеній нашего поэта было нѣсколько; для примѣра укажу на одно. Поэтъ, живописецъ и скульпторъ ведутъ между собою споръ о томъ, кто изъ нихъ можетъ изобразить предметъ художественнѣе и ближе къ дѣйствительности? Диспутъ идетъ съ переменною побѣдою каждаго и заключается общимъ признаніемъ, что всѣ они, по духу науки, родные братья, каждый одинаково служитъ идеѣ прекраснаго и помѣря таланта, каждый въ состояніи изобразить предметъ и художественно, и вѣрно съ дѣйствительностію. Эти разговоры исполнялись моими товарищами К. Г. Говоровымъ, составителемъ извѣстной русской грамматики Гр. Сем. Смирновымъ, Михаиломъ Никифоровичемъ Алабовскимъ и Димитріемъ Ивановичемъ Преображенскимъ.

По окончаніи пѣвчими «Царю Небесный», чѣмъ обыкновенно встрѣчали Преосвященнаго при входѣ въ заль, одинъ изъ учениковъ устно привѣтствовалъ Преосвященнаго рѣчью, заранее составленною имъ подѣ руководствомъ наставника. Въ ней отъ лица всѣхъ своихъ товарищей онъ выражалъ радость и счастье, съ которыми они встрѣчаютъ, въ стѣнахъ своего заведенія, своего Архипастыря и отца, указывая на

юность воспитанниковъ и соединенныя съ нею: неразвитость и малоопытность; извинялся, что они не въ состоянїи своими успѣхами оправдать всей попечительности о нихъ своего добраго Архипастыря, и почтительнѣйше просилъ Преосвященнаго къ нимъ юнымъ быть на экзаменѣ снисходительнымъ и благосклоннымъ. Экзаменъ оканчивался пѣніемъ: *достойно есть* и благодарственной рѣчью другаго воспитанника; въ этой рѣчи высказывались чувства преданности воспитанниковъ къ Архипастырю за его ласковое и доброе вниманіе къ нимъ, за его радушіе и привѣтливость, которыми онъ доставилъ истинное удовольствіе не только имъ, но и всѣмъ посѣтителямъ.

Безъ привѣтственныхъ рѣчей Просв. Арсенію со стороны воспитанниковъ семинаріи не обходились и высокаторжественныя дни, въ особенности же именины Владыки. Въ этотъ день по нѣскольку воспитанниковъ изъ всѣхъ классовъ семинаріи отправлялись въ покои Преосвященнаго. Гратуляціи съ пожеланіемъ здоровья и долголѣтія заботливому Архипастырю, начинались на русскомъ языкѣ, потомъ на французскомъ и нѣмецкомъ, латинскомъ и греческомъ, татарскомъ и мордовскомъ, наконецъ еврейскомъ. Въ случаѣ, если во время нашихъ поздравленій была въ сборѣ у Преосвящ. Тамбовская аристократія, рѣчи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, по неправоуности проноса, отмѣнялись; за то вдоволь мы ораторствовали на другихъ языкахъ.

Само собою понятно, что предъ такимъ Преосвященнымъ, какимъ былъ, блаженной памяти, Арсеній, нельзя было дважды (хотя бы чрезъ пять лѣтъ), произнести одну и ту же рѣчь, или на одну и ту же тему. Рѣчь каждый разъ была новая и при каждомъ случаѣ на новую тему, сообразную времени и обстоятельствамъ.

Говоря о содержаніи рѣчей я указалъ собственно не на темы ихъ, которыхъ теперь не могу припомнить, а на духъ, направленіе и на тѣ мысли, которыя такъ жили иначе, но, по большей части, только мимоходомъ проскальзывали во всѣхъ ихъ.

Современное поколѣніе, пожалуй, подумаетъ, что наши панегирики Преосвящ. Арсенію, съ выраженіями признательности и благодарности, были напускными, писанными и произносимыми по заказу, — были просто данью времени, приучавшею насъ только льстить вышнимъ себя. Но такъ думать простительно лишь тому, кто не успѣлъ познакомиться съ этимъ русскимъ іерархомъ. Время имѣло свой смыслъ; оно давало намъ возможность почитать достойнѣйшаго Архипастыря, — не болѣе. Въ своихъ рѣчахъ мы, во всякомъ случаѣ, только слабо указали на тотъ рѣдкій умъ Преосвященнаго, его тонкую пронизательность, заботливость о подчиненныхъ и твердость въ правдѣ, чѣмъ онъ владѣлъ въ рѣдкой мѣрѣ. Отъ души привѣтствуя и благодаря Преосвящ. Арсенія, мы приучились подмѣчать и уважать въ высокопоставленныхъ людяхъ достойныя ихъ поста черты, быть признательными за ихъ дѣйствительныя благодѣянія, и по мѣрѣ возможности, подражать имъ.

Въ наше время, вѣроятно, по заведенному прежде порядку намъ давалось ректоромъ нѣсколько рекреаций. Первую рекреацию мы обыкновенно просили перваго мая. Обрядъ этотъ совершался такъ. Въ восемь часовъ утра лучшіе ученики семинаріи, человѣка по два изъ класса, въ особенности кто побойчѣе, съ хоромъ пѣвчихъ и толпою любопытныхъ добровольцевъ, отправлялись на Козловское подворье (нынѣ, Трегуляевское); тамъ жилъ ректоръ. Войдя въ переднюю ученики и хоръ пѣли: *Reverendissime pater, nostrarum musarum Rector! Carissime rogamus recreationem*. Эту пѣснь тянули воспитанники на разные лады до тѣхъ поръ пока не выходилъ наконецъ къ нимъ ректоръ. Въ случаѣ согласія ректора на просьбу избранной депутаціи, они повторивъ три раза *Gratias agimus* съ веселымъ видомъ возвращалась въ семинарію.

Въ нетерпѣнны, какъ можно скорѣе узнать о рѣшеніи предпріятія и просьбы рекреации, воспитанники прибѣгали къ своего рода телеграфу: старшіе заранѣе влоть до квартиры

ректора разставляли по дорогѣ махальныхъ, которые маханіемъ рукъ, или шапокъ сейчасъ же должны были дать знать въ семинарію о послѣдствіяхъ просьбы.

Вѣсть о полученной рекреациі прежде всего узнавалась добровольцами. Прыгая отъ радости, перевертываясь на одной ногѣ, кидая шапки вверхъ, они тѣмъ самымъ давали знать о рекреациі махальнымъ. Эти мгновенно передавали другъ другу и извѣстіе о данной рекреациі доходило до семинаріи въ одинъ мигъ.

Рекреационный день для воспитанниковъ семинаріи былъ вполне свободнымъ; въ этотъ день воспитанники могли отправляться, кто куда хотѣлъ: въ лѣсъ, на лодкѣ по Цѣбѣ, на квартиры къ товарищамъ и знакомымъ до урочнаго часа. Въмѣсто науки вступали въ свои права игры, игралъ всякій, кто во что гораздъ: въ лапту, чушки (или городки), чижи, казанки, чехарду и даже въ три листика съ подходцемъ. Бывало любо было посмотрѣть на семинарскій дворъ: мелкота играетъ въ казанки, чижи; средній классъ въ лапту, чехарду; крупный народъ—среди двора въ городки или чушки. А тамъ гдѣ нибудь въ углу рѣжутся на деньги въ три листика съ подходцемъ, или, за недостаткомъ денегъ бьются по носамъ, кончая иногда рукопашной.

Квартирные воспитанники сверхъ игръ позволяли себѣ угощать приходившихъ и приглашенныхъ товарищей яичницею съ ветчиною. Всякій привоза послѣ пасхи яйца, въ особенности сырыя сберегаль ихъ на этотъ случай.

Надобно сказать, что въ нашъ курсъ (незнаю, какъ въ другіе) не было воспитанниковъ, которые бы вдавались въ какія либо оргіи, пьянство и буйство. Самое большое, что позволяли нѣкоторые изъ воспитанниковъ это отправиться къ Ярошкѣ кудряшу или Андрею рыжему и потребить порціи двѣ селянки изъ почекъ или рыбы. Эти двѣ личности содержатели харчевень первый на большей улицѣ, гдѣ теперь домъ Богданова, а другой въ настоящемъ домѣ Реального училища

были на руку нашему брату: порціи ихъ стряпни, правда, были несовсѣмъ вкусны, но за то изобильны, а главное здѣсь нерѣдко вѣрили и въ долгъ. Были и другіе субъекты гастрономы—благодѣтели семинаристовъ: Абрамка сбитеньщикъ и Яковъ Степановичъ Хохловъ, древній старикъ, вскормившій своими вкусными горячими калачами не одинъ курсъ семинаристовъ. Оба довѣряли въ кредитъ, за то и память ихъ незабвенна. Послѣдній, впрочемъ, стяжалъ себѣ память среди Тамбовскихъ семинаристовъ и своими личными качествами: *вѣтхій деньми*, кривой на одинъ глазъ, безсознательно шамшившій *халчи* (вмѣсто калачи) онъ былъ потѣхою для семинаристовъ. Въ особенности онъ понравился намъ послѣ того, какъ разъ въ свѣтлый день Пасхи, былъ у заутрени и задремавъ, крикнулъ на всю церковь *халчи-чи*.

Главнымъ развлеченіемъ нашего курса были театры, скромно устроиваемые нами; они не были разрѣшены начальствомъ, даже преслѣдовались имъ, но судя безпристрастно объ этихъ давно минувшихъ шалостяхъ, по совѣсти скажу, что, кромѣ пользы, они ничего не принесли намъ.

Мысль устраивать театры впервые пришла въ голову нашему товарищу Петру Евдокимовичу Солярскому, (сыну бывшаго сторожа Козловскаго духовнаго правленія), казеннокоштному воспитаннику семинаріи визшаго отдѣленія. Солярскій не выдавался своими способностями и успѣхами изъ среды обыкновенныхъ, но отличался энергіею и рѣшимостію не по возрасту; у него что задумано, то и сдѣлано. Чтобы достигнуть желанія—устроить театр—нужна подготовка. У Солярскаго дѣло не останавливается: онъ избираетъ изъ среды близкихъ ему: Егора Андреевича Залетина машинистомъ, Петра Павловича Пальмова, мало-мальски мароковавшаго въ скадировкѣ лубочныхъ картинъ, декораторомъ. Что бы не подать повода къ подозрѣнію, избираетъ разиденціею для театра чердакъ на семинарскомъ корпусѣ (въ которомъ теперь квартира ректора семинаріи), дѣлаетъ сборъ съ то-

варищей и съ кого бы не пришлось черновой бумагою, употребляя въ дѣло каждый заброшенный клочекъ. Не останавливается дѣло и за клестиромъ: казенной муки вдоволь, пошла работа, клейка, мазня кулисъ и задней декорации, размалевка съ одной стороны на кулисахъ комватъ, а съ другой, для выгоды, лѣса или чего либо въ родѣ сада, однимъ словомъ за что почтешь, такъ что въ одной посудѣ живо поспѣвало два кушанья. Долго ли коротко ли, — одно дѣло сдѣлано; за тѣмъ нужны разнаго рода парики и т. п., капитала не было, но что долго думать! Надобно пускаться на хитрость.

Для очищенія на семинарскомъ дворѣ разныхъ нечистотъ, нѣсколько лѣтъ къ ряду подряженъ былъ крестьянинъ Сергѣй Малышкинъ, мужичёнка на видѣ мозглявый и вѣчно почти до-положенія — ризъ пьяный. У него была буланая лошадека. Разъ какъ-то явясъ для своей обязанности поздно вечеромъ съ подговореннымъ имъ для помощи другимъ товарищемъ на вороной лошади. Малышкинъ и его помощникъ по обыкновенію до начала работы зашли къ сторожамъ семинаріи на кухню. Обѣ лошади безъ надзора. Актеры — ножницы въ руки, и у обоихъ лошадей подъ куртень, — хвостовъ и гривъ какъ не бывало, лошади изъ русскихъ вышли англійскими.

Дѣло сдѣлано, надобно приниматься за другую работу. Промывъ нѣсколько разъ въ кипяткѣ волосы, приготовили двѣ косы для уборки женскихъ головъ; потомъ добыто тряпье, изъ котораго сшиты ермолки, къ нимъ прикрѣплены волосы, расчесаны, какъ слѣдуетъ подстрижены и два парика — сѣдрыжій и черный готовы; подъ стать къ парикамъ устроены изъ гривъ бородч, а изъ остатковъ разнаго рода усеъ съ баками и безъ бакъ. Вотъ и эта гора съ плечъ!

О поступкѣ своемъ съ хвостами мучился и трусилъ Солярскій, затаивъ его въ душѣ и не открывъ ни кому изъ товарищей своихъ, кромѣ меня его родича, въ томъ убѣж-

деніи, что эта тайна умереть съ нами. Между тѣмъ дѣло кончилось плѣвкомъ. Хозяева лошадей, какъ они разказывали служителямъ, въ этотъ разъ подъ хмѣлькомъ и за темнотою не замѣтили гримировки лошадей. Наложивъ вѣса и сложивъ ихъ, гдѣ слѣдуетъ, они заѣхали, по заведенному порядку, въ кабачекъ. Пока они проклаждались въ кабацкѣ, голодныя лошади, не дожидаясь хозяевъ, отправились сами собой ко дворамъ. По выходѣ изъ кабака ребята струсили, думая, что лошадей ихъ украли; обшаривъ ближайшія мѣстности отправились съ горемъ домой. Глядь: лошади ихъ спокойно стоятъ у воротъ. До хвостовъ ли тутъ?! Благо, что лошади цѣлы; выпрягли, завалились на боковую и уже по утру увидали, что лошади безъ хвостовъ и гривъ. „Эко варваръ! не мытьемъ, такъ катаньемъ доѣхалъ насъ, вѣрно помѣшали угнать лошадей, дай хоть хвосты и гривы пообрѣжу. Ну, да вѣдь на томъ только и съѣхалъ, а лошади—то все-таки у насъ, намъ ихъ не продавать—прослужать и кущя. Да оно, малый, съ одной стороны и гоже: въ слякоть не подвизывать хвостовъ и не захлюстаются. А то бывало набереть на хвостъ грязищи, заматаетъ хвостомъ всего забрызжетъ; или лѣтомъ навизетъ арешницевъ, хвостъ какъ полѣно, а на шею хомута не паденешъ. Что толковать! хвостъ и грива опять вырастутъ, да еще гуще будутъ“.

Однако я кончилъ курсъ, а буланка такъ и осталась кущею. Въ концѣ концовъ вышло, что Солярскій оказалъ Малышкину съ товарищемъ не вредъ, а пользу. Бывало я и Солярскій вспомнивъ объ этомъ, отъ души посмѣмся.

Теперь дѣло за костюмировку. Встрѣчались и здѣсь затрудненія, но они не останавливали задуманнаго предпріятія. Добыли золотой и серебряной бумаги, позументу, разноцвѣтныхъ лоскутовъ.—Красныя темныя и носовыя платки товарищей, на время представленія, тоже шли въ дѣло: они служили тульею для казацкихъ киверовъ. Пошла опять работа: клейка широкополыхъ испанскихъ шляцъ для сцены разбой-

никовъ, разной формы киверовъ, трехъугольныхъ шляпъ, казацкихъ шапокъ. Изъ дерева искусно обдѣлывались кинжалы, клинокъ клеивался серебряною бумагой, а бумажныя ножны украшались разными вычурами; вырѣзались изъ бумаги военныя и гражданскія регалии, генеральскія звѣзды; на шею и въ петлицу приготавливались кресты и медали, генеральскіе и оберъ-офицерскіе эполеты и лядунки. Положимъ, все это было собрано кой-изъ-чего, но исполнено въ подходящемъ видѣ и блестяло, хоть куда. Впослѣдствіи страстные любители до театра, увидавъ нашу удалъ, полюбили насъ въ этихъ костюмахъ, по слову Гоголя, черненькихъ. Они начали приглашать насъ для игры по своимъ домамъ; тогда большая часть искусственнаго замѣнилась настоящимъ костюмомъ. Явился костюмъ военный съ настоящими регалиями, шпагами, саблями, пистолетами, ружьями, кинжалами, фуражками и шляпами; изъ прежняго поддѣльнаго военнаго костюма остались только генеральскія звѣзды. Вдоволь было и статскаго костюма: приличныхъ фраковъ и франтовскихъ сюртуковъ, дамскихъ платьевъ, капотовъ, чепцовъ, шляпокъ и пр. Теперь уже не предстояло надобности украшать позументомъ какой нибудь спальный бешметъ, или изъ обыкновеннаго сюртука дѣлать мундиръ, подворачивая фалды, нашивая разнокалиберный сбродъ свѣтлыхъ пуговицъ, украшая позументомъ и блестками поднятый воротникъ, въ родѣ стоячаго. Много для этой подготовки прежде эпохи нашихъ театровъ пострадало куриныхъ падишаховъ, хвосты которыхъ, не хуже Малышкиныхъ, лошадиныхъ, попадали въ султаны для генеральскихъ шляпъ, а падишахи — цѣтухи щеголяли до отрощенія хвостовъ кудыми.

На томъ самомъ чердакѣ, гдѣ шла подготовка кулисъ и прочихъ принадлежностей устроена сцена, приготовлены бурсацкія простыни для переднихъ завѣсъ; онѣ были повѣшены не на скалкахъ, какъ настоящія, а просто на вздержкахъ.

Приготовленія кончились: все на готовѣ. Теперь очередь за опытомъ: какъ пойдетъ самое дѣло?

Первоначально для пробы Солярскимъ были подговорены нѣкоторые изъ казеннокоштныхъ товарищей. Выбрана была легонькая пьеска, выписаны и разучены роли, сдѣлано нѣсколько репетицій; на первый разъ съ большимъ для Солярскаго трудомъ вымуштрованы дѣйствующія лица. По окончаніи вечерняго инспекторскаго дозора, въ полной увѣренности, что послѣ него, болѣе помѣхи быть не можетъ, спектакль начался и кончился на первыхъ порахъ, хотя и съ грѣхомъ по-поламъ, но все-таки удачно. Успѣхъ ободрилъ любителей и спектакль сталъ повторяться часто. Узнавши о спектакляхъ всѣ казенные воспитанники, даже комнатные старшіе поинтересовались познакомиться съ нашимъ излюбленнымъ искусствомъ и имъ до того оно понравилось, что они наконецъ сами, скрывая отъ начальства всѣ наши продѣлки, упростили Солярскаго потѣшить почтеннѣйшую публику. Пользуясь такимъ снисхожденіемъ и укрывательствомъ, Солярскій началъ вербовать годныхъ для сцены и лучшихъ актеровъ изъ своекоштныхъ учениковъ. Явились способные артисты прибавились и любопытные зрители, собиравшіеся для этого съ квартиръ. Въ моментъ инспекторскаго дозора ихъ запирали на чердакъ; а такъ какъ семинарскія вѣрота на ночь затворялись, то по окончаніи спектакля квартирныя актеры и зрители оставались ночевать въ бурсѣ, размѣщаясь кое-какъ по разнымъ комнатамъ.

Чѣмъ ни дальше, тѣмъ больше и успѣшнѣе развивалась сценическая дѣятельность нашихъ доморожденныхъ артистовъ; посѣтителей чердака наконецъ стало такъ много, что уже не возможно было размѣщаться на ночлегъ по бурсацкимъ угламъ. Въ слѣдствіе общаго желанія товарищей, Солярскій согласился покинуть прославленный имъ чердакъ; сцена наша сдѣлалась походною, труппа странствующими артистами. Не безъ удовольствія разнеслась эта желанная вѣсть между квартирными воспитанниками, предлагавшими къ нашимъ услугамъ свои квартиры.

Особенно часто были сценическія представленія въ квартирѣ Николая Самойловича Надеждина (впослѣдствіи Нектарій, Харьковскій архіепископъ). Надеждинъ, не участвуя самъ на сценѣ, страстно любилъ забавляться игрою товарищей и отъ души смѣялся, глядя на причудливыхъ и изобрѣтательныхъ въ своемъ родѣ юныхъ драматурговъ, комиковъ и всевозможныхъ потѣшниковъ. Квартиру Надеждинъ занималъ рядомъ съ старымъ, описаннымъ мною училищемъ, въ домѣ мѣщанина Владиміра Ивановича Бердникова, на дворѣ въ отдѣльномъ флигелѣ, въ которомъ была удобная для размѣщенія сцены комната, занимаемая порученными Надеждину воспитанниками. Къ тому же въ квартирѣ Надеждина была существенная польза для костюмировки. Жена хозяина квартиры Пелагея Ермильевна Бердникова была единственная во всемъ городѣ прачка, славилась чисткою и выводкою пятенъ изъ платьевъ, шалей и прочихъ женскихъ и мужскихъ костюмовъ; вся здѣшняя аристократія, начиная съ губернаторши, ни къ кому, кромѣ ея, не обращалась; у нея во всякое время можно было найти груды разныхъ разностей, которыми она и ссужала насъ безъ отказа: едва ли какой костюмъ Тамбовской аристократіи тогдашняго времени миновалъ семинарскихъ плечъ и не былъ на сценѣ, прежде чѣмъ шелъ въ чистку, стирку и крахмаленье.

Также часто играли въ домѣ товарища нашего, внука Митрополита Іоны, Александра Михайловича Тихонравова, въ Покровской улицѣ, перейдя Долгую. Этотъ товарищъ былъ для насъ особенно нуженъ, онъ хорошо игралъ на гитарѣ, аккомпанировалъ въ водевиляхъ и разыгрывалъ музыкальныя пьески въ антрактахъ. Первоначально оркестръ нашъ былъ бѣденъ и заключался почти въ одной, много двухъ гитарахъ, но послѣ, когда увеличилось число частныхъ посѣтителей, явились скрипки, виолончели и другіе инструменты. На скрипкѣ принималъ участіе Федоръ Ильичъ Никитинъ, теперь часовыхъ дѣлъ мастеръ.

Нашлись годными для сцены въ комическихъ роляхъ,—скопировать старика отца семейства, чудака—слугу, старо-свѣтскаго помѣщика. Это преимущественно исполняли: самъ Солярскій и Н. С. С.; роль повѣсть, молодыхъ джельтельменовъ и ловеласовъ Алексѣй Алексѣевичъ С. и приватно учившійся въ семинаріи сынъ одного управляющаго имѣніемъ, Николай Алексѣевичъ Фирсовъ. Въ женскихъ роляхъ: вашъ покорнѣйшій слуга (я до богословскаго класса былъ небольшаго роста); Козьма Гавриловичъ Говоровъ, Михаилъ Никифоровичъ Алабовскій и Иванъ Ермоловъ были годны на всевозможныя роли. Преимущественно въ роляхъ купчихъ, свахъ кухарокъ и вообще женской прислуги А. А. Р. Роли земскихъ ярыжекъ, приказныхъ и пролазъ исполнялъ Егоръ Андреевичъ Залетинъ. Въ особенности хороши были Алексѣй Ивановичъ Соколовъ (впоследствии казначей въ г. Кирсановѣ), въ роли Климовскаго изъ пьесы «казака стихотворца» и въ роли Продіуса той же пьесы И. Е. Н—скій.

Онъ имѣлъ сильный басъ, состоялъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчимъ. Бывало любо слушать, какъ онъ на сценѣ, вызывая своего писаря, рявкнетъ:

Гей, гей, Грицко!

Долго ждать мнѣ не годицца,

Триба заразъ здась лвицца,

Нуже скорій, до поскорій, да поскорій!

Много участвовало и другихъ товарищей; но о театрѣ довольно!

Нельзя умолчать только объ Александрѣ Никольскомъ, котораго всѣ товарищи звали *дядей*; у него охота къ театру была смертная, но участь горькая. Разъ дали ему роль дворецкаго (не помню оглавленія пьесы), осматривающаго убранство комнатъ къ пріѣзду помѣщика. Вся роль его состояла въ слѣдующихъ словахъ: «кажется, все въ порядкѣ: мебель разставлена, драпри развѣшаны, остается только продернуть шнурокъ въ колокольчикъ». Его выходъ на сцену былъ первый. Получая свою роль дядя, какъ бы предчувствуя, выска-

заль: «братцы, сробѣю». И дѣйствительно, выйдя на сцену, вмѣсто того, чтобы осматривать мебель и окна, вытаращилъ глаза на зрителей и все выворотилъ на изнанку: «мебель развѣсилъ, драпировку разставилъ и продѣлъ сквозь шнурукъ колокольчикъ». При этомъ даже добавилъ: «что? говорилъ вѣдь, сробѣю, вотъ и сробѣлъ». Аплодисменнамъ и хохоту не было конца, спектакль разстроился бы, если бы дѣйствующія лица не сдержали смѣха. Съ этихъ поръ нашъ дядя на сцену ни ногой; постоянно только помогаль намъ въ устройствѣ спектакля.

Нашъ походный театръ съ каждымъ разомъ больше и больше начали посѣщать посторонніе зрители, въ числѣ которыхъ оказались страстные любители: помѣщикъ Иванъ Матвѣевичъ Сатня, отецъ А. И. учителя реал. училища и др. Въ домѣ его на Дворянской улицѣ, мы играли нѣсколько разъ. Купецъ Николай Николаевичъ Кобозевъ, онъ же и Хлѣбняковъ, по тѣснотѣ комнать, передалъ въ полное наше распоряженіе обширный каретный сарай; въ немъ устроилъ на свой счетъ возвышеніе для сцены, кулисы и проч. приспособительно къ настоящимъ театрамъ. Словомъ, здѣсь все обстояло, какъ слѣдуетъ; но эта-то сцена и была для насъ камнемъ преткновенія. Заручившись такимъ устройствомъ и удобствомъ помѣщенія, мы рассчитывали, что хоть поздно, но обрѣли себѣ твердое пристанище. Сыгравши нѣсколько разъ, наконецъ нарвались и принуждены были опять странствовать по разнымъ мѣстамъ.

Семинарское наше начальство—ректоръ и инспекторъ въ теченіе двухлѣтнихъ нашихъ шалостей, ничего не знало о нихъ. Профессора семинаріи, вѣроятно, кое-что слышали о нашихъ продѣлкахъ, но не доносили начальникамъ, потому что на все это смотрѣли снисходительно. Но вотъ кто-то изъ фискаловъ товарищей шепнулъ имъ, что воспитанники по ночамъ ломаютъ комедь. Явилось доказательство: инспекторъ у одного изъ воспитанниковъ нашелъ подъ тюфякомъ выписку

сть роли «Романъ на большой дорогѣ» и передалъ ее ректору. Собрались для суда надъ виновными въ сем. правленіе члены: ректоръ, инспекторъ и И. А. Савостьяновъ, и наставники: Остроумовъ и Василий Николаевичъ Богородицкій и секретарь Алексѣй Акимовичъ Колоколовъ. Ректоръ предлагаетъ собранію обсудить чуть не уголовный проступокъ воспитанниковъ. Долго тянулась обвинительная рѣчь ректора, предложившаго наконецъ собранію, въ примѣръ другимъ уволить ученика, у котораго найдена противонаравственная тетрадь, равно и тѣхъ, которые окажутся соприкосновенными этому дѣлу. Такъ бы и было, если бы Савостьяновъ, Остроумовъ, Богородицкій и Колоколовъ, до сихъ поръ молчавшіе, слушая свою витію, не приняли дѣятельнаго участія въ пользу ученика. Они убѣдили о. ректора, что найденная у ученика тетрадь ни больше, ни меньше какъ театральная роль, вѣроятно, случайно найденная на дорогѣ (какъ это подтверждалъ и самъ виновный); объясняли ректору смыслъ и значеніе каждаго слова на загадочномъ манускриптѣ. Къ общему удивленію, послѣ сильной бури, имѣвшей разразиться опаснымъ громомъ, ректоръ согласился на очень мягкое и легкое рѣшеніе грознаго вопроса. Постановлено было: не дѣлая никакого замѣчанія виновному и не допуская обыска у другихъ учениковъ, оставить дѣло безъ всякихъ послѣдствій. За все пострадала одна только тетрадь: она тотъ же часъ была сожжена въ правленіи на свѣчкѣ. —Объ этомъ я узналъ по выходѣ моемъ изъ семинаріи, отъ П. И. Остроумова. Этотъ случай все-таки далъ намъ почувствовать себя: наша братія присмирѣла, опасаясь строгаго надзора. Выдержка впрочемъ продолжалась не долго; замѣтили мы, что все устоялось, надзора и выслѣживаній за нами нѣтъ, и начали играть по прежнему: благо, что была готовая, не подвижная и непо тревоженная сцена... Но вотъ и новая передряга. Одинъ изъ товарищей В. П. К., по неприяностямъ ли съ кѣмъ либо изъ дѣятелей театральной игры или съ цѣлію выслужиться предъ начальствомъ, во время самаго разгара сней-

такля, секретно переписалъ всѣхъ участниковъ въ немъ и представилъ этотъ списокъ Василю Николаевичу Богородицкому. Богородицкій, поставленный въ необходимость отрѣшиться отъ прежняго снисхожденія, которое такъ замѣтно намъ оказывалъ, беретъ съ собою своихъ людей, кучера и лакея и отправляется съ упомянутымъ К. къ дому Хлѣбникова, во дворѣ котораго была сцена. Ворота на заборѣ, въ домѣ ставни скрыты и огня не замѣтно, ярко освѣщенъ только одинъ сарай. Изъ опасенія пожара, Богородицкій вышелъ изъ себя и началъ стучать, крикнувъ: «отворитесь!» одинъ звукъ его голоса и на сценѣ переполохъ. Все брошено, семинаристы въ рассыпную: кто на сѣноваль, кто, выбравшись черезъ сосѣдніе сады на улицу, безъ оглядки бѣжалъ, не видя подъ собою земли, домой, кто на чердакъ дома, а за костюмированными въ женскія роли, замѣшавшись въ кругъ посѣтительницъ, отправились въ комнаты. Розановъ, въ костюмѣ кухарки, не робѣя пробрался въ кухню, а Говоровъ или Ермоловъ (хорошо не припомню) въ женскомъ платьѣ выскочилъ въ хозяйскій садъ и прижалъ къ забору... Г. Богородицкій все еще за воротами. Видя что они, не отпираются и замѣтивъ суматоху и испугъ, В. Н. Богородицкій распорядился чтобы К. и его люди перелѣзли черезъ заборъ и отворили ворота... Сыщики бросаются въ сарай. Въ немъ ни одного живаго существа. Сарай въ опасности. Спасаясь бѣгствомъ, срывая съ себя костюмы, перетрусившіе артисты, побросали ихъ, какъ пришлось и куда попало. Много платья лежало около горѣвшихъ свѣчъ, — малѣйшее прикосновеніе и пожаръ. Это окончательно взорвало Богородицкаго. Онъ началъ отыскивать по двору, сподручныхъ разослалъ по захолустьямъ и саду, чтобы схватить хотя когонибудь изъ виновныхъ. Войдя въ комнаты, Богородицкій замѣтилъ много женскаго персонала. Нисколько не подозрѣвая среди дамъ переодѣтыхъ воспитанниковъ, онъ вѣжливо раскланялся и поспѣшилъ въ кухню. Здѣсь таже комедія: встрѣтивъ двухъ кухарокъ, изъ которыхъ одна была Розановъ,

Богородицкій молча вышелъ вонъ.

Въ саду бывшіе съ г. Богородицкимъ, наткнувшись на замаскированнаго (Ермолова или Говорова) спросили его: «ты, красавица, за чѣмъ сюда попала?» — «Я испугалась». «Чья же ты?» — «Здѣшняя». «Не тебя намъ нужно, мы ищемъ семинаристовъ, какіе играли. Не знаешь ли когонибудь?» — «Никого, родственкіе, не знаю». «Иди же съ Богомъ въ свое мѣсто» и проводили ее до комнаты. Какъ сыщики ни шарили, но никого изъ семинаристовъ не схватили.

Однако улика была явная: если бы играли посторонніе, то не было бы надобности оставлять сцену и бросаться наутекъ. На другой день Богородицкій подробно рассказалъ обо всемъ этомъ ректору и представилъ ему списокъ, не только участвовавшихъ на этотъ разъ въ игрѣ, но и всѣхъ другихъ, кто только носилъ названіе актера. Ректоръ призвалъ насъ въ правленіе и долго укорялъ: «Ахъ, вы мошенники, театральники, октерники, *ремонтёрники!* Вотъ я васъ всѣхъ поисключу! Вы у меня узнаете, какъ актерничать!»

Но, что ни дѣлалъ о. ректоръ, что ни говорилъ онъ, все только запутывало дѣло и служило къ нашему оправданію. «Вы куда смотрите, набросился опъ на инспектора. Ходили ли вы по комнатамъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ? Всѣ ли они были дома?» — Да-съ, ходилъ. Всѣ были дома.

Нашъ гордіевъ узелъ, такимъ образомъ, не былъ распутанъ, но все-таки насъ наказали: однимъ былъ сдѣланъ въ правленіи строжайшій, съ угрозами, выговоръ; другіе отдежурили нѣсколько дней въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ; нѣкоторые простояли въ столовой во время обѣда на колѣнахъ; остальные, вмѣсто сторожей, должны были за обѣдомъ разносить казеннокоштнымъ воспитанникамъ, хлѣбъ, щи и кашу.

Наказаніе и боязнь, — какъ бы не исключили заставили насъ надолго пріутихнуть. Къ тому же за малоуспѣшность вскорѣ были уволены изъ семинаріи: коноводъ нашъ Солярскій, козакъ стихотворецъ Соколовъ и Залетинъ. Имъ

въ это время было уже не до того, чтобы устраивать спектакли и разыгрывать фантастическія драмы, — они занялись пріискавіемъ себѣ мѣста. Къ счастью театральнѣй персоналъ нашъ ни чуть не пострадалъ: одинъ только казакъ стихотворецъ, по пѣшему хожденію, отправился въ Харьковъ держать экзамень на народнаго учителя (въ то время гимназіи не имѣли права выдавать свидѣтельства на званіе народнаго учителя), Солярскій и Залетинъ опредѣлились на службу въ Тамбовѣ: одинъ въ консисторію, а другой въ полицію.

Но и при горькой участи, смертная охота не давала намъ покою и послѣ продолжительнаго затишья мы снова принялись за свое. Черезъ полгода или болѣе мы опять заиграли, только съ большою осторожностію: съ прибойныхъ мѣсть, изъ центра города, мы переносили свой театръ въ отдаленныя труппы. Играли на берегу Цны, близъ Инвалидной въ квартирѣ Говорова, на берегу Студенца, не вдали успенскихъ кузницъ, въ квартирахъ товарищей и въ Пушкиряхъ, около первой части, въ домѣ чиновника Дмитрія Львовича Александровскаго.

Во все время на нашей сценѣ разыгрывались пьесы какія только могли подходить къ ней: комедіи, водевили, драмы и пантомимныя балеты; въ антрактахъ читались сцены изъ Братьевъ разбойниковъ и изъ Кавказскаго плѣнника, Пушкина, пѣлись юмористическіе, малороссійскіе и русскіе куплеты. Пьесы по большей части мы добывали отъ актеровъ городского театра, которые относились къ нашей игрѣ съ сочувствіемъ, даже приглашали насъ на свою сцену, на что, конечно, мы не могли рѣшиться.

Кто либо пожалуй, спроситъ: какъ же могли казенные воспитанники отлучаться изъ казен. общежитія и оставаться незамѣченными, если за ними былъ строгій и постоянный надзоръ? Голь на выдумки хитра! Воспитанники были изъ разныхъ комнатъ, и непременно въ дружбѣ съ старшими и товарищами. При этихъ условіяхъ воспитанникамъ ничего не

стоило отвести отъ себя инспекторскій надзоръ, обмануть начальство. Одинъ подъ предлогомъ свиданія съ пріѣхавшимъ отцомъ, матерью или братомъ отпрашивался ночевать на квартиру, чрезъ старшаго подавая объ этомъ записку инспектору; другой для курьоза дѣлалъ на своей постели изъ платья фигуру на подобіе спящаго, покрывая ее съ головою и въ точности соблюдая позу, какъ онъ самъ привыкъ спать, въ растяжку, или въ согнутомъ положеніи; большинство же устраивали это проще, подговаривали кого либо изъ товарищей сей-часъ-же, въ случаѣ опасности, явиться на выручку. Это вотъ какъ было. Инспекторъ всегда обходилъ комнаты по однажды заведенному порядку и гдѣ побывалъ разъ, туда снова не возвращался. Обойденныя комнаты были, стало быть, обезпечены. Изъ нихъ или даже изъ дальнихъ спаленъ воспитанники въ удобный моментъ перебѣгали въ комнаты отсутствующихъ товарищей и на время инспекторскаго посѣщенія ложились на ихъ койки. Такимъ образомъ *de jure* казенные воспитанники всегда и всѣ были на лицѣ.

Въ лѣтнее время укрывательству воспитанниковъ не мало способствовало и такого рода обстоятельство. На семинарскомъ дворѣ одна половина дровъ оставалась до самой зимы въ сажняхъ. Съ разрѣшенія старшихъ и не безъ вѣдома начальства нѣкоторые изъ комнатныхъ воспитанниковъ устраивали въ этихъ дровахъ для уединеннаго занятія, подготовки уроковъ и даже ночлега, помѣщенія, раздѣлая ихъ на нѣсколько отдѣловъ и покрывая отъ дождя и припека солнца травою. Въ эти трущобы, захолустное пристанище нѣкоторыхъ воспитанниковъ, тихо и мирно проживавшихъ здѣсь за учебными дѣлами и своими изобрѣтеніями до глубокой осени, кромѣ солнца и луны, молчаливо глядѣвшихъ на блаженство обитателей, непроникалъ ни ректорскій, ни инспекторскій глазъ, особенно въ ночное время. Вотъ какъ жила въ старину!

А о квартирныхъ воспитанникахъ и говорить нечего. Это были вольные казаки! Надзоръ за ними, какъ выше сказано,

былъ главнымъ образомъ въ рукахъ старшихъ, тоже не безгрѣшныхъ людей, одни изъ нихъ были любителями зрѣлищъ, другіе даже сами участвовали въ сценическомъ искусствѣ. Рука руку мыла.

Въ средѣ нашихъ товарищей, любителей пѣнія былъ артистъ вокальной музыки регентъ семинарскаго хора, Григорій Семеновичъ Смирновъ. Онъ долгое время усердно вникалъ въ вокальную музыку, стараясь постигнуть ее до совершенства. Но у него не было ни руководства, ни руководителей, вполне понимавшихъ методу пѣнія до того вожделеннаго момента, когда онъ предъ окончаніемъ уже курса, какъ-то случайно познакомился съ недюжиннымъ пѣвцемъ Вариводю, учителемъ пѣнія въ кадетскомъ корпусѣ. Варивода замѣтилъ у Смирнова сильную страсть и богатыя способности къ духовной вокальной музыкѣ, съ любовію выразилъ готовность передать ему всю суть методы пѣнія. Съ жадностію углубившись во всѣ изгибы и детали этого искусства, Смирновъ поглощалъ и усваивалъ все предлагаемое ему добрымъ учителемъ до малѣйшихъ тонкостей. Страсть Смирнова къ пѣнію увѣнчалась солиднымъ успѣхомъ и удивила самаго учителя Вариводю. Въ теченіе очень короткаго времени, въ шесть недѣль, Варивода объяснилъ Смирнову весь генераль-басъ и послѣдній усвоилъ его въ совершенствѣ. Пусть знатоки пѣнія посудятъ объ этомъ фактѣ и скажутъ: съ дюжевымъ ли ученикомъ пѣнія, нашимъ семинаристомъ, имѣлъ дѣло Варивода, если онъ смогъ познакомить его въ шесть недѣль съ тѣмъ, на что обыкновенно идутъ годы!

Объ отличномъ знаніи Смирновымъ пѣнія сдѣлалось извѣстно Преосвященному Арсенію. Владыка, давъ ему какъ отличному ученику семинаріи, должность учителя въ училищѣ, поручилъ ему свой хоръ. Подъ управленіемъ Смирнова архіерейскій хоръ до того усовершенствовался, что безъ преувеличенія можно сказать, ни прежде ни послѣ въ Тамбовѣ такъ не пѣвали. Смирновъ много собралъ духовно-музыкальныхъ

пьесъ, композировалъ и самъ. Выборъ и постановка пьесъ были съ большимъ вкусомъ. Своимъ стараніемъ и знаніемъ дѣла Смирновъ умѣлъ розыскивать выдающіеся голоса — дискантовъ (сопрано) и контральто, для которыхъ составлялъ, надѣясь на хорошее исполненіе, трудное соло. Вся аристократія, въ особенности любители пѣнія, и каждый изъ православныхъ за счастье считалъ послушать архіерейскихъ пѣвчихъ; стеченіе народа во время архіерейской службы было громадное. Не обходилось ни одной литургіи безъ концерта; назначенная проповѣдь, по распоряженію Преосвященнаго, обыкновенно провозносилась послѣ концерта. Одна только скромность и недостатокъ средствъ заставила Г. С. Смирнова замкнуться съ своимъ даромъ въ самомъ себѣ; при возможности и желаніи выказать его, Смирновъ могъ бы давнымъ давно быть передовымъ человѣкомъ вокальной музыки и великимъ артистомъ. Говорю истинную правду безъ всякаго льстиваго пристрастія въ своему бывшему товарищу.

А вотъ и еще замѣчательный феноменъ нашего времени, но только въ совершенно другомъ, непривлекательномъ направленіи. Это не римскій, а просто Тамбовскій гладиаторъ, нашъ товарищъ, знаменитый боецъ Г. М. Казанскій. Роста онъ вершковъ около десяти (конечно съ прибавленіемъ 2 аршинъ) сложенъ атлетически, на одинъ его кулакъ нужно было любоваться; сильный, ловкій и увертливый, онъ (подъ фамилію Казанцева) прослылъ первостатейнымъ бойцомъ и не имѣлъ себѣ поборника. Въ то же время силою и искусствомъ въ кулачныхъ бояхъ славился въ Тамбовѣ мѣщанинъ Шумилинъ. Но разъ этимъ соперникамъ пришлось помѣриться силою и ловкостію и что же вышло? Казанскій на первыхъ же порахъ своротилъ Шумилину салазки (челюсти) и такъ пересчиталъ ему ребра, что Шумилинъ съ этаго времени не показывался на кулачный бой; а Казанскій вошелъ въ такую славу, что всѣ боялись его, какъ огня, и лишь только бывало онъ покажется на одной сторонѣ бойцовъ, другая какъ дождь, въ разсып-

ную. Слава о Казанцевѣ сохранилась до сихъ поръ.

Не могу ручаться за вѣрное, но вотъ какой слухъ ходилъ про силу Казанскаго. По окончаніи курса, Казанскій вмѣстѣ съ отцемъ своимъ отправились къ одному священнику сватать дочь. Невѣста понравилась, поладили дѣло, хорошо съ радости выпили и закусили. Пришлось Казанскому выйти на дворъ. У его будущаго тестя, нужно замѣтить, былъ двухъ-годовалый бычекъ, котораго онъ блюлъ собственно для свадьбы дочери.

Этотъ бычекъ съ малолѣтства былъ приученъ бодаться. Только что вышелъ Казанскій на дворъ, бычекъ со всего разбѣга бросился на него; но Казанскій, ни мало не струсивъ, такъ хватилъ бычка кулакомъ въ лобъ, что тотъ, перевернувшись ревноулъ и растянулся, какъ пласть. Будущій тесть, услыхавъ ревъ бычка и зная его удалъ, выбѣжалъ на дворъ спасать Казанскаго, но зять уже обезпечилъ себя отъ услугъ тестя. Увидавши, что бычекъ чуть живъ, тесть сей-часъ-же велѣлъ его прирѣзать, и говядина, по милости зятка попала не на свадьбу, а на харчъ поповымъ батракамъ.

Изъ нашего курса поступили въ Кіевскую академію: Николай Самоиловичъ Надеждинъ, Гавріилъ Марковичъ Любимовъ и Николай Семеновичъ Любославскій, а въ Московскую: Ѳома Ивановичъ Любовниковъ, (переименованный въ академіи Преосвящ. Филаретомъ въ Варницкаго), Козьма Гавриловичъ Говоровъ и Аполлонъ Никитичъ Люминарскій (кажется, умершій еще въ академіи).

Изъ этихъ шести товарищей впоследствии оказались выдающимися личностями: Николай Самойловичъ Надеждинъ (Харьковскій Высокопреосвященный Нектарій), Гавріилъ Марковичъ Любимовъ (въ Оріембаумѣ протоіерей и духовникъ Великой княгини Елены Павловны), Николай Семеновичъ Любославскій (Тамбовскаго Трегуляева монастыря архимандритъ Никандръ), Ѳома Ивановичъ Любовниковъ (Варницкій) (въ Ригѣ протоіеремъ), Козьма Гавриловичъ Говоровъ, (на

должности преподавателя Тамбовской семинаріи составилъ, по новому практическому методу, элементарный курсъ русской грамматики, выдержавшей нѣсколько весьма большихъ изданій).

Но вотъ и конецъ курса, начало жизни самостоятельной. Кажется чего бы лучше! Отъ насъ уходила въ даль школа со всѣми ея точными обязанностями и строгими дисциплинарными взысканіями. Приготовленіе уроковъ непременно къ извѣстному часу, сидѣнье за класснымъ столомъ чуть не въ строжайшемъ порядкѣ, опасеніе какъ бы не подпасть подъ замѣчаніе начальства все это скрывалось въ область прошедшаго. Впередѣ жизнь по сердцу и призванію, занятія болѣе свободныя, служба съ выгодами и пр. Но не радовала насъ заходившая зоря школьной жизни: она уносила съ собой шумныя забавы нашей молодости; не обольщала насъ перспектива жизни независимой: она отрывала насъ отъ братскаго кружка и бросала въ житейскій водоворотъ особнякомъ. Не утѣшала насъ и выходъ изъ подъ опеки начальства: самая строгость ея въ нашей веселой беззаботной семьѣ нерѣдко обращалась въ предметъ шутки и забавы.

Чась нашей разлуки былъ самымъ грустнымъ временемъ изъ всей продолжительной школьной жизни; распавшаяся на отдѣльныя звѣнья товарищеская цѣпь долго стонала въ сердцѣ унылыми звуками.

А жизнь взрослыхъ людей съ обманчивой мечтою свободы въ службѣ невольной и отвѣтственной, съ суетливымъ и, по необходимости, корыстнымъ трудомъ, не всегда мнящимся съ искренностію дружбы и братства, еще болѣе окрасила къ двамъ старости беззаботную и безкорыстную школьную жизнь, время искренней дружбы и братской привязанности.

Необходимые недостатки въ служебной дѣятельности послѣ жизненнаго опыта ослабили впечатлѣніе недовольства молодости къ порядкамъ и недостаткамъ школы; жизненныя лишенія, сопутствующія каждому, расположили еще болѣе цѣнить труды и безъ того достойныхъ нашихъ учителей, все-

цѣло отдававшихся своему призванію, при самыхъ чувствительныхъ нуждахъ... Не даромъ воспоминавія школьной жизни пріятны; не безъ причины отрадны даже сонныя грезы изъ ученическаго быта.

Николай Н. Егеновъ.

Некрологъ.

Въ городской общественной больницѣ въ Тамбовѣ, 5 марта отъ отека легкихъ умеръ воспитанникъ IV класса Тамбовъ духов. Семинаріи *Алексій Пльвиницкій*.

Тѣло покойнаго, по желанію его сотоварищей, съ разрѣшенія начальства, шестаго числа перенесено было въ семинарскую церковь. Надъ тѣломъ почившаго со времени принесенія его въ церковь и до отпѣванія, воспитанники IV класса по очереди читали псалтирь.

7 числа отслужена была литургія преждеосвященныхъ даровъ, на которой произнесено было воспитанникомъ V класса П. Сладкопѣвцевымъ нагробное слово (ниже напечатанное). При отпѣваніи покойника его сотоварищами А. Грандовымъ, Ал. Леонтьевымъ, Ив. Саввинскимъ и Ал. Добровольскимъ произнесены были рѣчи.

Литургію совершалъ ректоръ семинаріи; чинъ погребенія отправленъ ректоромъ же въ сослуженіи двухъ священниковъ (экономовъ семинаріи). Тѣло покойнаго погребено на город. Успенскомъ кладбищѣ.

СЛОВО

въ среду крестопоклонной седмицы при гробѣ товарища.

Любезные товарищи! Предъ нами гробъ того, кто долго жилъ съ нами одними мыслями, желаніями, стремленіями, кто

однимъ словомъ—составлялъ какъ бы часть нашей общей жизни. Теперь онъ чуждъ того суетнаго міра, въ которомъ вращаемся мы и объ оставленіи котораго мы боимся и подумать.

А подумать самое время, ибо о чемъ другомъ напоминаетъ намъ гробъ, какъ не о смерти, не о переходѣ изъ этой жизни въ другую?.. Какую? А ужъ это, смотря по дѣламъ cadaго. Каждый человекъ самъ устраиваетъ свою судьбу и потому каждый *приметъ* за то, *яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.* (2 Коринѳ. V. 10 ст.)... Стало быть, смерть ведетъ къ двумъ противоположностямъ—къ вѣчной жизни или къ вѣчной же смерти... Хорошо братіе тому, смерть котораго путь въ жизнь вѣчную, но страшное горе—, для котораго смерть временная есть путь къ смерти вѣчной. Лучше было бы и не родиться тому человеку; такова будетъ тяжесть его страданій. Въ самомъ дѣлѣ, страшныя и тяжелыя страданія въ настоящемъ, безнадежность освободиться когда нибудь отъ этихъ страданій въ будущемъ сдѣлаетъ ихъ смертью второю... Невольно въ душу проникаетъ трепеть. Невольно при мысли о смертномъ часѣ и страшныхъ и вѣчныхъ загробныхъ мученіяхъ спрашиваешь: гдѣ же средство, чтобъ избавиться отъ этихъ вѣчныхъ мученій?

Оно предъ нами, слушатели! Крестъ это средство... Черезъ крестъ Христовъ мы получили возможность спастись и чрезъ участіе въ этомъ крестѣ мы, слуги Христовы, будемъ тамъ гдѣ и Опъ... Христосъ есть *путь, и истина, и животъ* (Іоан. XIV 6), и кто хочетъ идти по этому пути т. е. по Христу, кто хочетъ избѣгнуть смерти и достигнуть жизни, тотъ *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и ирдетъ за Христомъ.* (Мр. 1711 34). Пусть онъ идетъ тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ и Христосъ, путемъ самоотреченія и скорбей.

Да, тотъ только можетъ идти за Христомъ, кто отвергся себя т. е. не заботится ни о славѣ, до которой онъ прежде

заботился, ни о богатствѣ, которое онъ собиралъ съ такимъ тщаніемъ прежде, — словомъ ни о чемъ земномъ что, далѣе ищетъ и желаетъ только небеснаго, только того, что повелѣлъ искать и желать Христосъ. Безъ такого самоотреченія нельзя быть послѣдователемъ Христа. Безъ отреченія отъ своей воли, отъ своихъ собственныхъ желаній мы будемъ непослѣдователи Христа, но послѣдователи нашей грѣховной воли, грѣховныхъ мыслей, грѣховныхъ пожеланій... Нѣтъ! Непремѣнно нужно самоотреченіе!.. Господь осуждаетъ не всецѣлую преданность Богу и его всесвѣтой волѣ... *Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ будетъ въ царствіи Божіи.* (Лук. IV 62), говоритъ онъ; и еще: *иже любитъ отца, или мать, или брата паче мене, нѣсть мене достоинъ...* Итакъ, самоотреченіе нужно, необходимо нужно; но нужно ли теперь *взять крестъ*? Да и что еще значитъ: *взять крестъ*?

Обыкновенно подъ именемъ креста Господня разумѣютъ прежде всего крестъ въ собственномъ смыслѣ слова, — крестъ, какъ орудіе, *на немъ же распяся Христосъ Царь и Господь.* Далѣе, подъ крестомъ разумѣются страданія Господа нашего на крестѣ, а затѣмъ уже и вообще его страданія... Что же? Неужели Господь каждаго изъ насъ осуждаетъ на тѣ страданія, которыя онъ самъ перенесъ?... Далекое нѣтъ, слушатели! Господь по своему неизреченному милосердію — не налагаетъ на насъ того бремени, подъ тяжестью, котораго онъ самъ *начатъ скорбѣти и тужити* (Мѡ. XXIV 37). Иго, налагаемое имъ на насъ, благо и бремя его легко; — онъ не налагаетъ бремени свѣше нашихъ силъ, а приказываетъ каждому нести только *свой* крестъ т. е. безропотно переносить всѣ бѣды и испытанія, какія бы намъ ни посылались... Неси ты такъ же безропотно свой крестъ, какъ несъ его Спаситель, и ты будешь вмѣстѣ съ Господомъ въ раю.

Но, скажутъ нельзя ли обойтись безъ несенія этого креста?.. А вотъ послушайте, что говоритъ одинъ изъ нашихъ

лучшихъ проповѣдниковъ: «если единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* къ животу, то какъ могутъ они, т. е. не желающіе нести крестъ свой—достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* его?.. Могутъ ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *считаетъ* себѣ увѣчанная терніемъ *Глава?* (Ефес. IV 15). Можно ли членамъ быть въ покой и безопасности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи, забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными, упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ? Нѣтъ братіе, нельзя!...

Нужно, стало быть, отречься отъ своихъ желаній, желая только то, чего Богъ желаетъ; нужно взять свой крестъ и идти за І. Христомъ... И сдѣлать это нужно, какъ можно скорѣе, потому, что мы не знаемъ *ни дне, ни часа*, въ который постигнетъ насъ смерть... Дадимъ же обѣщаніе въ виду этого гроба соблюдать заповѣди Господни! Тогда намъ не страшна будетъ смерть; тогда мы не будемъ содрогаться при мысли о ней, тогда она будетъ для насъ путемъ *въ воскрешеніе живота*...

Обращаю свой слабый и немощный голосъ къ вамъ, родственники умершаго, которымъ особенно тяжела эта утрата... Не ропщите на милосердное провидѣніе, не допускайте въ вашу душу сомнѣнія въ благодати Божіей, твердо несите крестъ свой до конца жизни,—и вашъ гробъ будетъ для васъ *лѣствицею къ небеси*. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

предъ исповѣдью.

До сего времени вы, брат., постомъ и молитвою готовились къ христіанскому покаянію. Постъ, если онъ былъ истинный, отвлекъ васъ отъ мірской разсѣянности и далъ

вамъ время и свободу пообдуматься; молитва, если она была усердная, привела васъ къ сознанию своего окаянства предъ Богомъ и къ искреннему желанію исправиться, — „поновиться“. Теперь наступило для васъ время, къ которому вы готовились, — время покаянія и душевнаго „поновленія“. Это покаяніе и обновленіе грѣшника совершается не иначе, какъ чрезъ исповѣдь предъ духовникомъ — довѣреннымъ Божиимъ — и есть одно изъ семи спасительныхъ таинствъ церковныхъ. Таинство это состоитъ въ томъ, что истинно кающійся грѣшникъ, при видимомъ прощеніи отъ духовника, невидимо прощается во грѣхахъ Самимъ Богомъ; такой порядокъ помилованія грѣшниковъ — не „корыстная выдумка священниковъ“, какъ говорятъ наши молокане и хлысты, а установленъ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Сначала онъ далъ эту, власть — вязать и рѣшить грѣшниковъ первымъ пастыремъ своей церкви — Апостоламъ: *примите Духа Святаго*, сказалъ онъ имъ; — *кому отпустите грѣхи, тому отпустятся, на комъ удержите, на томъ удержатся.* (Іоан. 20. 22—23.), Апостолы, по волѣ Господней, передали эту власть своимъ преемникамъ — архіереямъ и священникамъ, — и такъ образомъ установленный Господомъ порядокъ продолжался доселѣ и будетъ продолжаться и до скончанія вѣка. „Они (священники), говоритъ св. Златоустъ, обитаютъ еще на землѣ, а допущены распоряжаться небеснымъ...; ибо что священники опредѣляютъ на землѣ, то Богъ утверждаетъ на небѣ“. (Освящ. III. 5—6.) Не своимъ именемъ и не своею властью прощаютъ священники грѣхи кающимся, а именемъ и властью Самаго Іисуса Христа, какъ его слуги, особо на то поставленные. И въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго и сомнительнаго. Вѣдь поставляютъ же цари земные особыхъ судей и правителей въ своемъ царствѣ; вѣдь дѣйствуютъ же эти послѣдніе каждый въ своемъ мѣстѣ и въ своемъ дѣлѣ царскимъ именемъ и властью, — согласно съ закономъ оправдываютъ невинныхъ

и осуждаютъ виновныхъ: что удивительнаго, если и Царю Небесному угодно было установить въ земной церкви своей похожій на это порядокъ?!

Не думайге, однако, брат., что стоитъ только побывать на исповѣди, пересчитать духовнику свои грѣхи безъ всякаго сердечнаго сокрушенія и добраго намѣренія — и правъ предъ Богомъ. Одно только истинное покаянiе оправдываетъ грѣшника предъ Богомъ, а оно не легко и должно быть таково: прежде, нежели быть тебѣ на исповѣди, вспомни, нѣтъ ли у тебѣ съ кѣмъ вражды; и если есть, — примиришь съ своимъ соперникомъ, да не наружно только, не для исполненія одного только обычая, съ затаенною въ душѣ злобою и намѣренiемъ и впредь дѣлать ему пакости, а вырви зло изъ сердца съ корнемъ, забудь минувшую вражду, какъ не было, — и имѣй прежняго своего врага, какъ друга. Трудно это, — твоя гордость и самолюбіе могутъ подсказать тебѣ противъ этого и то и другое; но не слушайся и смиришь; иначе и самъ не получишь отъ Бога прощенія хотя бы ты разливался на исповѣди и горькими слезами: *если не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, сказалъ Спаситель, то и Отецъ вамъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѡ. в. 15).

Прослѣди мыслью всю прошлую свою жизнь и припомни, по возможности, всѣ свои грѣхи дѣломъ, словомъ и помышленiемъ, потому что и помысль грѣховной — мерзость предъ Господомъ. Сознай и возчувствуй всю свою грѣховность и окаянство предъ Богомъ, Котораго ты безконечно оскорбилъ, весь ужасъ ожидающей тебѣ за гробомъ вѣчной гибели за твою грѣшную жизнь и прими твердое и рѣшительное намѣренiе покаяться на исповѣди во всѣхъ своихъ грѣхахъ великихъ и малыхъ, потому что *всякая неправда — грѣхъ есть* (1 Иоан. 5. 17). Пусть окажется, что ты великій грѣшникъ — „что ни ступилъ — согрѣшилъ“ — не отчаявайся и не думай, что Господь уже и не проститъ тебя. Господь прощалъ и разбойниковъ и говнителей вѣры, — про-

ститъ и тебя, если ты отъ души покаешься, потому что Онъ Самъ сказалъ: *не хочу смерти грѣшника, но хочу, чтобы онъ обратился и былъ живъ.* (Иез. 18-32). Дѣло, слѣдовательно, за тобою, а не за Господомъ, Который съ любовью всегда готовъ простить тебѣ, какъ Евангельскій отецъ раскаившагося блуднаго сына.

Пришелъ ты на исповѣдь, — не думай, что предъ тобою стоитъ одинъ только духовникъ, такой же грѣшный человекъ, какъ и ты; предъ тобою невидимо стоитъ Самъ Христосъ и приемлетъ исповѣданіе твое. Не таи же грѣховъ своихъ, каковы бы они ни были; утаишь ты ихъ отъ духовника, но не утаишь отъ Бога Всевидящаго и вмѣсто одного грѣха утаеннаго понесешь на себѣ съ исповѣди два грѣха, а это лучше ли тебѣ?!... Стыдно въ иныхъ грѣхахъ открыться духовнику? Напрасный стыдъ. Стыдился бы ты дѣлать худо — грѣшить, а дѣлать доброе дѣло — каяться во грѣхахъ нечего стыдиться. Да и лучше постыдиться предъ однимъ духовникомъ, чѣмъ принять стыдъ и срамъ за утаенный грѣхъ предъ всѣми Св. Ангелами, предъ всей вселенной на страшномъ судѣ Христовомъ.

Не извиняйся и не оправдывайся въ душѣ своей и на исповѣди, что ты «не желалъ бы грѣшить, да врагъ тебя попуталъ, или другой соблазнилъ». На грѣхъ, какъ и на доброе дѣло, невольника вѣтъ. Самъ ты не устоялъ, — себя и вини, за себя и кайся сокрушеніемъ. Такое искреннее сознание лучше оправдаетъ тебя предъ Богомъ; есть и житейская поговорка, что «повинную голову ни сѣкутъ, ни рубятъ»...

Покайся ты во грѣхахъ своихъ, — дѣлай это не на короткое только время, не на нѣсколько только часовъ или дней. Что пользы тебѣ отъ такого мимолетнаго покаянiя? Что пользы, если ты нынѣ каешься въ воровствѣ, а завтра опять прогягиваешь руки за чужимъ добромъ? Что пользы если ты нынѣ каешься въ пьянствѣ, а чрезъ нѣсколько дней опять хватаешься за стаканъ хмѣльнаго и упиваешься до безпамятства?

Если я опять созидаю, что разрушилъ, говорить Ап. Павелъ, *то самъ себя дѣлаю преступникѣмъ.* (Гал. 2 18). Нѣтъ, рѣшишь, при помощи Божіей, вовсе отстать отъ грѣховъ, въ которыхъ ты покался, и начни и веди борьбу съ своимъ злымъ сердцемъ, съ своею злою волею, съ своими грѣховными привычками. Непосильна тебѣ эта борьба, особенно въ началѣ, — «болжно отдирать отъ души грѣхи», которые съ нею срослись годами; но сильна помощь Божія, которая всегда готова для тебя, если ты самъ того пожелаешь. Проси этой помощи и дастся тебѣ а съ нею побѣдишь.

Помоги же вамъ Богъ искренно, отъ души покаяться во грѣхахъ своихъ и начать жизнь новую, лучшую, по закону Евангельскому. Аминь.

Священникъ *Михаилъ Зеленевъ.*

17 марта 1869 года въ Смоленскѣ скончался Преосвященный *Іоаннъ*, бывший Ректоромъ Казанской и С.-Петербургской (1864—1866 г.) Академій, знаменитый церковный ораторъ и извѣстный духовный писатель. (Перечень его сочиненій см. въ Православномъ Собесѣдникѣ 1869 г.) Слѣдовательно въ семь 1879 г. исполнилось *десять* лѣтъ со дня его кончины. Воспоминанія о дѣятельности подобныхъ Преосв. Іоанну лицъ, знакомство съ ихъ образцовыми твореніями, имѣетъ важное воспитательное значеніе для учащейся молодежи. Такой характеръ должны имѣть такъ называемыя юбилейныя торжества въ память писателей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній 18 марта (въ 5-ю недѣлю В Поста), по желанію бывшихъ учениковъ Преосвященнаго Іоанна въ Казанской и С.-Петербургской Академіи въ семинарской церкви была совершена по немъ *заупокойная литургія*; во время причащанія однимъ воспитанникомъ V класса было произнесено слово изъ собранія словъ Преосвященнаго Іоанна. Послѣ ли-

тургии была совершена *паннихида*, а затѣмъ въ актовомъ залѣ воспитанниками VI класса прочитаны были: а) краткая *біографія* Преосвященнаго Іоанна, б) рѣчь о характерѣ проповѣднич. дѣятельности его (М. Грибановскимъ), в) *статья* Преосвященнаго Іоанна (Общество и духовенство) и г) въ заключение его же: *Привѣтъ Россіи* на Новый годъ.

19 марта въ 12 часовъ дня посѣтилъ Тамбовскую Семинарію глубоко-чтимый всею Тамбовскою епархіею Преосвященный *Теофанъ*, бывшій Тамбовскій и Владимірскій епископъ. Бользнъ глазъ была причиною прибытія его въ Тамбовъ. Преосвященный, въ сопровожденіи Ректора, осмотрѣлъ Семинарскую церковь, актовъ залъ, спальни, фізическій кабинетъ, столовую и занятныя комваты воспитанниковъ; посѣтилъ ученическую читальню, семинарскую больницу и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ квартиру Ректора. Въ антрактѣ между 3-ю и 4-ю классною перемѣною преподаватели Семинаріи приняли благословеніе отъ Архипастыря.

Въ десять минутъ 12-го часа ночи на 27 число марта отъ изнурительной чахотки скончался преподаватель обзора философскихъ ученій, психологіи и педагогіки, а также физики въ женскомъ епархіальномъ училищѣ *Димитрій Ивановичъ Успенскій*.

СОДЕРЖАНІЕ: Воспоминанія изъ школьной жизни — П. П. Евгенова. — Некрологъ. — Слово въ среду крестопоклонной седмицы. — Поученіе предъ исповѣдью — священника Михаила Зеленева. — Извѣстія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Димитрій.

Печатать позволяется. Тамбовъ, 20-го марта 1879 года.

Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Сладкопѣвцевъ.

Губернская Земская Типографія, на большой Астраханской улицѣ, д. Земства.